

КРАЙ ГОРОДОВ

Петербургский литературный альманах
2013 №70

Сергей Болеро

Места, местечки и словечки

Где-то посередине между Новоспасским мостом и Автозаводским Москва-река делает изгиб – на карте это место похоже на обиженно выпяченную губу. От Павелецкого вокзала тянется нитка железной дороги и «губу» подрезает, отделяя от большой Москвы; получается почти островок, местечко, вот именно: местечко. На этом островке я и живу. Добираюсь до него на автобусе или маршрутке, иногда на электричке, а чаще прямо от метро пешком – вдоль автомобильных пробок. К ночи поток машин спадает, дробится светофорами на забеги и, в конце концов, превращается в одиночных участников движения, – вот теперь можно выйти на улицу и пробежаться трусцой по набережной – для здоровья.

На другой стороне Москвы-реки ярко светится ночной клуб «ZONA», бывший заводской ДК. Сияние букв отражается в воде очаровательными синими дорожками.

«Sedez» – так называется фирма, в которой я работаю. Название переводится на русский язык как 1/16-листа, но вряд ли кто из моих коллег об этом знает, для несведущих это просто сочетание букв, которое обозначает место службы. О том, что у слова есть второе значение, я и сам узнал совершенно случайно, и сразу возникло ощущение, чуть ли не паника, будто оградили меня от чего большого, оставили самую толику, а я, глупый, и не чувствую этого, радуюсь тому, что имею.

Детство. Моя страна занимала одну шестую часть суши и называлась СССР. О «железном занавесе» я узнал гораздо позже: мне же хватало двора – местечка.

...Ночь. Август. Яркие звёзды на небе. Сладко пахнет ночным табаком. Свет веранды падает в темноту жёл-

тыми пятнами. На веранде родители слушают радио – сообщение о вводе советских войск в Чехословакию...

...Набережная. Где-то посередине между Новоспасским мостом и Автозаводским.

– Чехословакия была в 1968-ом, потом в 1969-ом году – Даманский, там ранило осколком, отвалился в госпитале.

– А потом?

– Потом два филологических образования, алкоголизм, инвалидность второй группы, пустынная набережная и боль в спине – она-то и не даёт отодраться задницу от асфальта.

Я помог инвалиду подняться.

– Ну, ты альтруист! – удивился дважды филолог. И опять употребил это словечко: назвал советские войска в Праге альтруистами, а затем, соскользнув на французский, выдал что-то непонятное, но очень гламурное.

Тепло. Тёплые ночи. Ярко светится ночной клуб «ZONA». По Москве-реке плывут длиннобокие баржи, пересекая синие дорожки, будто ленточки; а я всё бегу и бегу ради своего здоровья – и всё пытаюсь сообразить: что же значило это словечко «альтруист»? И опять пришло ощущение отстранённости, будто поместили меня на островок благополучия, а рядом протекает жизнь, которую я до конца не осознаю, не понимаю.

Штрихи

Окрик: «Что холоду напустил?» Перебранка, стук закрывающейся двери, Т. ёжится, дремота. Мог бы не ехать, мог бы сослаться на бронхит. Но белоруса чуть кондрашка не хватила, когда услышал; не вытянет белорус: не технический он, торговец бывший; когда Лукашенко его водочный самопальный бизнес накрыл, перебрался в Россию, жену вывез,

детей. Дети мобилият: – Пап, можно? – Нельзя. Не строгий, но зубастый – а в заказчика мёртвой хваткой (чем и ценен). Утром позвонил, извинился: пробки, говорит. Нервничает, потому что на сдельной. А Т. мог бы пофинтить, мог бы сослаться на бронхит, потому что на окладе, но поехал и теперь мёрзнет в холодном зале ожидания – электричка прибудет только через сорок минут.

Застопорились: коробки на сборном паллете не считываются – не берут, не сканируют их радиотерминалы – только приёмщица баба Таня справляется, потому что знает товар в лицо; прочитала название на коробке или раскрыла саму коробку, заглянула – и на память: артикул такой-то. Но электроника – не человек, ей штрих-код нужен, наклейка со штришками, и если нет этих штришков, зачем тогда радиотерминалы, зачем автоматизация?

– Пи-пи, – говорит баба Таня и хихикает (так называет она радиотерминалы и самих автоматизаторов – Т. и белоруса).

– Потому что не верит, – это уже Юра, кладовщик, – у неё на сборный трое суток уходит. Но вы-то, конечно, совсем быстро, – он обращивается к зрителям, – и замёрзнуть не успеете.

Зрители, девчонки-операторы, улыбаются. В помещении холодно, и на столе у каждой по тепловентилятору, а под столом ещё обогреватель, но сидят всё равно в куртках. Вон одна, поглядывает и поглядывает, перебирая документы. Похожа на Терехову из «Зеркала» – худая, высокая, вес 50 кг с очками и жвачкой, – на обед только супчик в СВЧ разогревший, но в красивой сервизной тарелке. Волосы длинные, мелкий бес; лицо тонкое, немного хищное. Жарко стало от всяких мыслей экзистенциальных; запалил, завёлся на хромовом байке – и за спиной, прижавшись, и даже не одетая... За окном не метёт, моросит и что-то звучит элегическое... Эй-эй, куда? Стой, брейк, обеденный перерыв, антракт. Тем более что кикс.

Немного расслабиться, отдохнуть. Эфемерное, на что, конечно, можно рассчитывать, но и только, – потому что санитарный день, буфетчица заболела, или вообще не предусмотрено. Но когда случается, когда на эскалаторе, а там в банкетном зале 18% или, что равнозначно 5,3 оборотов пивзавода имени Бадаева по случаю 50-летия Советской власти, с ярко выраженным хмелевым ароматом и винным привкусом... Да, было, было, «Наша марка» называлось. Во Дворце Съездов. Ещё вспомнил: поезд дальнего следования, вагон-ресторан, солянка – оливка в тарелке; а вот ещё: общежитский буфет, 150 холодной колбасы на завтрак. Или бутерброды с сыром в продуктовом магазине напротив института. Но бог с этим, ибо ешь, но воздай.

– А сто грамм для согреву?

– Нельзя.

– А поискать?

– Оштрафуют, лишат лицензии.

– Тогда, хрену и кусочек черного.

– Хрен-то зачем?

– Хрен – это патентованное средство для вылупливания глаз.

– От вылупливания глаз экран портится, а начальник из зарплаты высчитывает.

– И жена: почему мало принёс?

– Ты ей, она тебе.

– И до последствий.

– Ага, и в страшный суд.

– А там прописывают: страшный холод и к нам на пятый, в поднебесье.

Юра, ты-то куда? Да я просто так, в том смысле, что холодно у нас.

Боже мой, какую чушь вы тут все несёте. Ладно, третий звонок уже, пора и в зал. Хотя, вот, вспомнил: проходящие товарные, стук колёс, томик Шаламова; холодрыга жуткая была... И дождь, и снег, и лужи, и наледь. Как сейчас помню...

– Пока до корпуса доплетёмся, все калории израсходуем.

– Потом ещё жди на холоде, когда лифт паллетами загрузят.

Кирпичное здание, цех. Раньше здесь собирали швейные машинки. Но время ушло, а квадратные метры остались: пять этажей, и на каждом какая-нибудь организация. Есть подвал – преисподняя, туда спускаются только на лифте; но и вверх тоже только на лифте – на все этажи на лифте. И на пятый – в поднебесье, в стратосферу, там по стакану горячего чаю, и тепла – до первого посещения туалета.

Давай, давай, заходи, Юра на другом поднимется. Не командуй. Не командую, моё дело – сторона. Я даже не лифтёр, и не рабочий сцены, я констататор. Чего? Вот, смотрю, кирпич хороший, крепкий, постройка-ка-то какого года? 1915-ого. Да, вижу. Ну, с богом, с богом, ребята.

Что у нас там по тексту дальше? Лифт сломался, механика вызывают. Хорошо, сколько ждать? Минут пятнадцать. А где застряли? Возле третьего: чуть, чуть не дотянули. А лифтёр что? Лифтёр – узбек, по мобильнику тараторит, его не поймёшь. Ага, вот деревяшку подложил, встал, рукой наверху что-то нащупывает, дверь открыть пробует. Нет, не получилось. Там какой-то рычаг оттянуть надо, роста ему не хватает. Был бы кто повыше. А белорус и Т. что делают? Обалдели оба, им же никто ничего не объясняет. Ну, всё, дотянулся, открыл; передаю охраннику.

- Можно отсюда выбраться?
- Только на лифте.
- А по-другому никак?
- Никак.
- Совсем никак?
- Совсем.
- Нам на пятый.
- На пятый по лестнице, сейчас ключ поищу.

Нашёл, провернул в замочной скважине, открыл, закрыл и снова повернул, – но уже по другую сторону двери, за спинами.

Воздух – будто в запаянной трубке. И будто не ходили здесь по лестнице с того самого 1915-ого. Интересно, а если на пятом заперто? Так и

есть. Молодец, белорус, мобильник прихватил, а то бы. Звони, звони. Ключ ищут? Это хорошо, ключ найдётся, с ключами всегда так. У меня часы механические были, кабинетные, долго служили; стояли на трюмо, на книжной полке и даже на подоконнике, – пережили два переезда. Выбростил. А вот ключ остался, так и лежит в коробке с шурупками. Ну, слава богу, открыли.

– Пи-пи!
– Ты, что ли, ключница, баба Тань?

– Скажи спасибо, что отыскала, – кто сейчас по лестницам ходит? Одни вы такие, нетерпеливые, остальные ждут, когда лифт починят. У нас это часто случается.

– А тепло-то у вас когда-нибудь случается?

– Пи-пи, ты же который день сюда ходишь, месяц или год, а всё глупости спрашиваешь. Здесь мерзлота вечная. Вечная.

И снова сборный паллет, и для каждой коробки присвоить номер, ввести в компьютер, распечатать штрих-кодированную этикетку и затем наклеить на коробку. В каждой коробке есть коробки поменьше; с ними совершить ту же операцию, т.е. присвоить номер, ввести в компьютер, распечатать штрих-кодированную этикетку и затем наклеить на коробку. Но в коробках поменьше коробки ещё меньшего размера, и с ними нужно совершить ту же операцию....

- Когда они кончатся, белорус?
- Когда-нибудь кончатся.
- Не кончатся. Мы тут замёрзнем и ни хрена не сделаем, – где этот Юра, чёрт бы его побрал?

В туалете. Худой, с тонкой шеей, кадык выпирает. Может, курево греет кладовщика?

- Не мёрзнешь?
- Не мёрзну. У меня свитер из мохера, вон какой толстый.
- А я коченею, как вы тут работаете? Здесь же холод адский.
- Лифт поднимает, а лестница опускает.

– Что?
– Я говорю, холодно у нас, ад и есть. Держи, – он вытащил из кармана что-то похожее на маленький вязанный чепчик для кукольной головки.

– Что это?
– Девушки у нас заботливые. Безпокоятся, чтоб ты себе причинное место не отморозил.

– Что?
– Заботятся, говорю. Вон какой свитер связали.

Ездили мы на майские денёчки в Турцию: море, солнце, безмятежность. И вот однажды утром, рано-рано, просыпаюсь я оттого, что в голове у меня сидит план рассказа. Отодрал я от какой-то рекламки страничку и записал. Записал и заснул спокойно.

Но это о другом.

Объявили электричку, Т встал и вышел на улицу. В палатке заказал чай:

– С сахаром и погорячее.

Ньон

Откуда? – из разговоров, из интереса: пустого и непустого, в уши, в глаза. И как своё собственное: Ньон – это.... На карте помечено: историческая достопримечательность.

Врёшь – от жадности: целый час светового дня! Хотя настоящий – световой, весенний, яркий, полуденный уже в Лозанне, уже уеден до корок. И нет сил, только полусила и полусвет,.. и полужадность.

Поезд остановился, и вдруг решили выйти.

На всё про всё час – приблизительно, а точно – загляни в расписание: пятьдесят две минуты, сорок пять секунд, потому что на платформе часы с красной точкой на кончике секундной стрелки; стрелка плывёт, вращается, убавляя возможность: сорок четыре, сорок три, сорок две....

Полусвет, погранично, прозрачно. Будто опущен полог, и лишь представляется. И даже римские колонны – не до основания, не окончательно, ещё даже портик, но уже ничего общего с целым – только развалины. И вдалеке, за озером, паря и белея, то, что по-французски Монблан.

На смотровой площадке полупустынно: два полутуриста бродят (это мы) и две местные полудамы выгуливают в коляске детёныша (почему-то разговаривают по-русски); ещё африканская ребятишка тусуется на лавочке, вон один: помчался за колонну и снова на лавочку и ко рту банку с пивом. Кругом чистенько, аккуратненько, выбрито – и на платанах мускульный рельеф и кулаки кукишем.

Отклонения – это события.

Олег прилетел на похороны. Те двое – чуть ли не самые были, а может, и самые, иначе из Америки не полетел бы. Он с ними в пятерку или как там у них, в общем, в самую-самую. А Монблан – это чуть выше троечки, – расслабиться, встретить Новый год. И в палатке, на леднике, на высоте 3500 – всего-то! – там их, замёрзших....

Похожее прочитал у Набокова: «попался молодой советский геолог, разговорились, и, упомянув о том, что тут пятьдесят лет тому назад погиб смертью простого туриста Федченко (исследователь Ферганы!)...». Набоков умер в гостинице; это в Монтрё, на берегу озера. В Монтрё поедем завтра. Оттуда на местном поезде в горы.

Салон

Фабричный – не район, но околоток – ещё дореволюционный. Конечно, здесь и после революции – и преуспели, и поспели, оглянуться не успели, как зима катит в глаза. И лето красное, прекрасное, пролетарское, фабричное, ушло, и даже кирпичные заборы побледнели, побелели.

А всё краснокирпичное, жаркое околатило пригородные участки: там и коттеджи из прокаленной огнём глины, и заборы из оной.

Но вернёмся, хватит лирики, кого-то там романтизма, тюремного что ли, пора уже. Пора переводить стрелки – и часов, и трамвайных линий. Пора менять кирпич на винил и пластик; а фабричные названия с высокими именными окончаниями на обычные: бизнес-центр и офис-центр.

Постойте, постойте: а забор – тот, красный, из околотка, помните?

Тот помним, как же не помнить. И при нём фабричная проходная имела, не забыли?

А как же, это же коммерческая площадь, если стрелки вывести правильно. Вон и вывеска: «Салон света и...».

Да, да салон.... Ясли, в которые меня водили, тоже из красного кирпича были. Теперь это солидное здание, оштукатуренное, и даже с подземным гаражом, – теперь это банк.

Или вот, расскажу я вам, заглянул недавно я в переулок.... В такой или раз заглянешь, или два, чтобы время отмерить. Два раза в жизни, допустим. А может, и чаще, только память этого не держит, и потому всё упаковано и в архив доставлено.

Так вот, пока по инстанциям, пока подписали, пока пропуск выдали, пока к сведениям допустили. В общем, дом постройки 14-го года 20-го века, а квартира принадлежала модистке, до революции конечно. Сколько там было комнат – сказать трудно, поскольку после революции комнаты разделили перегородками, и получилась такая уютная коммуналка с любящими друг друга соседями. Про соседей мало что знаю, только слышан, что серебро, которое вывезла тётя Валя из Саратова и положила по наивности в общую кладовку, было растащено. Жила тётя Валя в узкой восьмиметровой комнатке, но хозяином площади был – так и стоит перед глазами – роскошный кабинетный рояль.

У тётя Вали я был два раза: один раз в мутном детстве, а другой – уже в полнозрелом возрасте и по вполне

бытовой причине: приехал за холодильником для дачи.

Вы знаете, ваша холодильная история нас совсем не интересует, холодильники не наш профиль, вот если вы насчёт света, то это к нам. А если нет, то уходя, помните, что после вас придут другие.

Да, вы правы, но я как раз на ту же тему. Прошло много лет, холодильник по-прежнему работает и работает – каждый летний сезон; дом постройки 14-ого года реконструирован и превращён в штаб-квартиру банка, а тётя Валя отсутствует... отсутствует на этом свете.

Сергей Кургуз

Красноярск

«...каждая форма, даже уродливая, таит в себе смысл, делающий ее неприкосновенной...»

В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (пер. с фр. Н Коган)

Туман

Я туман над рекой,
Задремавший у старой плотины,
Рваною простыней скомканный
Между двух берегов...
И на мне иногда
По субботам рисуют картины
Акварелью из дыма
Погасших рыбацких костров.

С точки здравого смысла
Это выглядит крайне нелепо,
Оставаясь по сути вещей
Лишь вульгарной водой,
Я карабкаюсь выше,
Где сосны царапают небо,
Засыпая звериные тропы
Рыжей хвоей.

И туману легко, будто раны,
Зализывать горы,
Сукровицу ручьев разбавляя
Болотной слюной
И парным молоком,
Затекая в барсучьи норы,
Успевает с рассветом
Рассыпаться теплой росой.

И плевать, что ни мне,
И не вам, ни кому-нибудь прочим
Не дано разгадать
Вечный ребус мышьиной возни...
Лишь искрится пирит
На исходе сентябрьской ночи
Под размытой корягой -
Осколком упавшей звезды...

Песни спеты, картины написаны -
Высохли краски...
И развешаны, будто трофеи,
По стенам квартир,
Выходящие окнами в окна
Совсем другой сказки:
Коммунальных трагедий,
Городских мелодрам и сатир...

Бриллиантовый снег

Мне снится один и тот же сон:
Как будто бреду я по звездам, несмело.
Вокруг будто мелом укрыта земля
Бриллиантовым снегом.

Следом за мною шагает толпа.
Судачат о вечном идущие следом.
И кто-то отстал, набивая карманы
Бриллиантовым снегом.

И было бы проще сидеть у камина,
Потея в тепле, чем в снегу по колено.
Как пепельным пледом, накрыта земля
Бриллиантовым снегом.

Я не знаю, кто, я не знаю, как,
Я не знаю, где,
И в какой связи, по причине ли
Через столько лет
Разожгут костры и укажут путь,
Чтобы мы не могли свернуть
Мимо мачт и огней
Ожидающих нас кораблей.

И рано ли, поздно, назад повернут
Привыкшие годы считать за потери,
Обратной дорогой подошвы сотрут
Бриллиантовым снегом.

Найдутся и те, кто, сбежав от тоски
Позднее, едва ли не лопнут от смеха,
Поранят ладошки, играя в снежки
Бриллиантовым снегом.

И завтрак кому-то ? тревожный досуг.
Отсутствие смысла для сна не помеха.
Отставших в пути ветра занесут
Бриллиантовым снегом.

Бродяжий вальс

Посвящается моей супруге - Алёне

Сigaretка от спички зажжется,
Закачается синий дымок;
Сердце как у котенка забьется
И аккордом на гриф упадет...
Что-то песен я старых не помню,
Ну а новых давно не слышал,
Где бы искренне пелось, в которых,
Как же долго Тебя я искал...

За окошком тоскливо и хмуро.
Шорох шин на окраинах стих,
Лишь под пальцами маются струны,
Подгоняя нестройный мотив.
Тени шалью ложатся на плечи,
И по стопкам потеет коньяк...
Как я рад, что Ты в этот вечер
На коленях сидишь у меня...

Я устал от тумана и снега,
Укрываться таежным костром,
Где паромами меряют время,
Ну а версты - казенным рублем...
Где стираются даты и лица,
А дороги ведут в никуда...
И по картам пешком до столицы -
Ровно столько же, как до Тебя...

В стороне от ненужного шума,
Чехарды бытовых передряг
Больше, чем «Маяку», почему-то
Верим сказкам артельных бродяг.
Где пол-литра ничуть не дорожке
Мятой пачки сухих сигарет.
Где пыжи на охотничьих тропах
До сих пор из советских газет.

В тех краях еще верят, бывает,
И гордятся великой страной,
Зашвырнувшей Гагарина к звездам,
И майором вернувшей домой...
Помнят: ради чего раскидало
Полродни по медвежьим углам,

И почем ворох бабкиных грамот,
Кочевавших по пыльным шкафам.

Я полночи болтался под небом
Между двух часовых поясов,
Суеюй привокзальных буфетов
И ворчаньем закрытых портов.
Тридцать девять комариных империй,
Где торопится лишь Енисей,
Перепрыгнул, как карточный домик,
Только ради улыбки Твоей!

Сигаретка до фильтра истлеет,
Зашипит, утонув в коньяке...
И когда звезды чуть поредеют,
Я охотно признаюсь Тебе:
Не нужны мне ни тундра Ванкора,
Ни уран с берегов Ангары...
Я хочу, если это возможно,
Чтобы рядом была только Ты!

Сергей Земцов

Бруклин

-1-

Везет же мне на докторов философии. У Алины Симоне муж философ, эксперименты в области когнитивной психологии. Алина сказала – «Cognitive – это как мозги работают». Серого котейку муж назвал Чжуан-Цзы. В Корнельском университете доктор философии Александр Шестов, биохимик, купил дочке Алины в подарок Корнельского медведя, фирменную игрушку. Третий доктор философии, физик, но что важнее, сосед и коммунист, Ph D «Сергун», Сергей Савченко, испугался криминала в Бруклине и благоразумно сдал заказанный мной ему номер в гостинице с аргентинцами, посоветовавшись с женой и тещой.

Так что в Бруклин я поехал один. На Алин мне тоже везет. Мою жену зовут тоже Алиной, и она была недовольна, что я еду один, «как 16 летний мальчик за автографами», но у нее проект, отпуск будет еще только через месяц. А через месяц какой-нибудь конец света, 2012 год на дворе.

Из Новосибирска мне пришел пакет поддержки, три страницы последних не опубликованных стихотворений Янки Дягилевой. Ниже я подробнее на этом остановлюсь. Александр Рожков, известный Друг всех культовых персоналий сибирского рока, сформулировал два вопроса, которые мне нужно было адресовать Алине Симоне.

1. Как она перенесла ураган Энди.
2. Какими показались люди в России, во время ее первого визита в эту страну.

Я сразу приведу ответы, чтобы потом к ним не возвращаться, так как эти вопросы простые.

-Ураган Энди.

Метро не работало. Магазины были закрыты. Но все кончилось хорошо.

-Какие люди в России.

Первый раз Алина приехала в Читу. Люди там хорошие. Запомнилось, что удобства были на улице. В

общезитии были тараканы, приходилось всю еду от них прятать в пакеты. И мыши были тоже. Алина приехала в Россию работать в составе бригады учителей английского языка.

Лично я подготовил другие вопросы, но никаких записей не делал, решил оставить все on the top of my head. Вообще, я не буду придерживаться нормальной формы интервью. В свободном разговоре я выяснил, что первый раз песни Янки Дягилевой Алина Симоне услышала случайно, купив в 2001 году «магнитную кассету». Да, конечно, ей понравилось. Но никакой преднамеренной операции шоу-бизнеса за этим не стояло.

Позже, когда Алина попыталась сама исполнять песни Янки Дягилевой, она рассчитывала продать примерно 200 копий диска друзьям. Но, потом она получила «маленький грант» от правительства США. Я этого не знал, и, кажется, это интересно. Как же так? Ведь никто в Америке не знает о существовании «русского рока». Так говорит Алина.

Она говорит, что боится выступать перед людьми, которые «лично знали Янку», в частности, в Новосибирске. Город Новосибирск она неоднократно посещала.

Песню Янки «Полкоролевства» почему-то считают в ее исполнении неудачной. Алина удивилась, что я попросил ее спеть именно эту песню. Мне пришлось добавить, что там есть слова «ключи от лаборатории на вахте», и, возможно, речь идет о работе вахтером в академических институтах, чем я тоже занимался когда-то в тех краях. Алина подключила к гитаре какой-то электрический усилитель, мигающий красными огнями, сверилась с текстом в ноутбуке. Спела, на мой взгляд, хорошо. Тем более, для меня лично.

Видеокамера дала сбой, но аудиозапись, voice memo – часа два разговоров – осталась.

Я попытался спросить, а какой еще «русский рок» ей известен. В

колонках, когда я пришел, у нее играл «Аукцион» и, кажется, была еще группа «Ноль». Алина ответила, что она намеренно любит группу «Кино». БГ не очень, т.е. я понял, что никак. Кажется, еще были отмечены «Звуки Му».

Что касается «сибирского рока», то Алина вовсе и не слушает «Гражданскую оборону». Видите ли, музыки там мало, а тексты она не разбирает тщательно. Она знает всю эту историю о бегстве Летова с Янкой в Систему. И более того, у нее дочь, она переключилась на воспитательный процесс и пишет уже вторую книгу. В первой книге художник Зимаков, проживающий в Лос-Анжелесе, нарисовал цикл рисунков с монстрами КГБ, и историей с Башлачевым, Летовым и финальным уходом Янки. Одно из неопубликованных ранее стихотворений Янки Дягилевой звучит так, насколько мне удалось декодировать для Алины почерк Янки:

Фонарь – Луна

Стучит по дереву ветер
Два дыма вдоль
Поют о вольных полях
Вода чтоб в ней тонуть
И мыть молочные бутылки
1 мая
Последнего мая
Маяк молчит
Летит в трубу летний луч
Ласкает нож
Спокойной ночи весна
Болит котел
Горят в костре костыли
Гуляет дождь
Кивает вечер лицом
Колеса вспяты
Уснули ветки в лесу
Старинный дом
Дожил до сильной зимы
Три слова враз
Простое пение к зиме
Земля в зенит

Закрылась дверь на обед
Умыл росой
Растаял первый рассвет
Последний день

Полгода тянется вниз
Куда еще

Оттуда нет новостей
Отсюда весь
Как есть в грязи
Отчего
Зимой мороз
А нужно чтобы тепло
И небо что-то ушло
Так что там
На грязном ночном полу
В тени темно
В горсти горох да
Фасоль
Фасон светло
Рассыпали мелочь
Темная ночь
Снег
Страх

(авторское право на стихотворение
– Дягилев Станислав Иванович)

Несколько строк в этом стихотворении отмечены на полях, возможно, рукой Станислава Ивановича Дягилева, и означают некоторые доказательства того, что Янка планировала свой уход, и это никакая не случайная смерть – «она совершенно безрассудно относилась к людям, скажем так, то есть, она никогда никого не боялась. Я ей постоянно говорил: «Дура! Это же ЛЮДИ, беги от них» - писал Егор Летов. Алина Симоне не находит ни это стихотворение Янки, ни упоминание слова Страх», дополнителем откровением и доказательством версии тщательно продуманного самоубийства. Говорит, что страх Прихода Воды прослеживается и раньше.

–2–

Я спросил у Алины, попадают ли ей недоброжелатели, особенно в России, где антиамериканские настроения усиливаются. Оказалось, она получала письма, в которых говорилось примерно следующее – «не трогай Янку, она наша». Коль скоро эмигрировали в Америку, или куда-то еще, не суйтесь к нам. Три письма такого рода, и они у Алины на каком-то почтовом сервере с забытым

паролем. Хотя я попросил показать, найти трудно. Но я попросил не выбрасывать, и сохранить. Я это собираю. Кстати, много негатива про себя Алина находит на жужжалке – live journal. Говорят также, что Янка пела сердцем, а Алина поет голосом. Но они слишком разные, чтобы отказаться от условных интерпретаций. Имеет смысл обратить внимание на то, что Алина, скорее, певица в жанре pop, а не звезда культового рока. Формально, другие ее альбомы, помимо песен Янки, относятся к жанру «pop». В тоже время это не совсем «попса». В своей книге Алина косвенно сравнивает себя с Бритни Спирс, с изрядной долей иронии. Ее favorites - Siouxsie & the Banshees, PJ Harvey, Patti Smith. Она называла и другие имена. King Crimson - для нее «старье».

Но, нельзя сказать, что творчество Алины и Янки одного сорта. Алина не скрывает, что работает в русле коммерческой музыки. Шоу бизнес не маскируется. Увлечение Янкой не есть культовое, и даже не харизматическое следование. Был первоначальный импульс, и ей понравилась кассета, купленная на Брайтон Бич. Я потворю, что она не планировала успех, и я не уточнил, кто надумил запросить «небольшой грант». Потом было неожиданностью, что в Америке, в которой никто представления не имеет о «русском роке», концерты с исполнением песен Янки стали приниматься и распространяться. Таким образом, и меня интересует не столько личность и карьера Алины Симоне из Бруклина, сколько нечто большее – русский и, более того, сибирский рок, или панк-рок. То, как он умер или не умер в России, и то, как он получает допинг, или второе дыхание, в современной Америке. Впрочем, Алина говорит некоторые здравые, и далеко не глупые вещи. Янку, например, сравнивали в России с Патти Смит. Патти Смит, говорит Алина, никакого отношения к панк-року не имеет, она входит в пятерку ведущих поэтов Америки, и давно уже за рамками того, что называют punk rock. Я, впрочем, понимаю о чем идет речь,

так как регулярно просматриваю полки музыкальных магазинов, а там стоят «коллекции» примерно с таким текстом объявления – «два часа грязных ругательств – всего за 15 долларов!». Мне попадались флайеры панк-рока примерно с таким текстом – «шведские мальчики протестуют так мило!».

Оппортунизм в искусстве и эпигоны, впрочем, всегда были. Протест расфасован, и делится на хулиганство и нечто чуть получше с элементами философской лирики. Если посмотреть некоторые видеодиски Ministry – то там еще наркотика, причем прямолинейно героин, а Иоргенсен провозносит – я ненавижу, поэтому существую.

Русский рок, который проходил через свой пик в 90-х, между перестройкой и ваучеризацией, может вызывать интерес на Западе, я верю, заслуженный. Существует, впрочем, мнение, что это совсем не так, механизм другой. Американцы, имеются в виду тупые пиндосы, готовы проглотить все, что угодно, если разрекламировать. В искусстве они мало что понимают по сравнению с эстетамы из Петербурга в России. Американцев ничего не стоит на...дуть, или как еще там в большой парадигме нецензурной лексики. Я не собирал статистику, так что, может быть, и это есть – американцы наивны и доверчивы! Но, в данном случае, меня интересует позитив – что кто-то «зрит в корень» и пробивается сквозь массовые предубеждения.

Следующий шаг расширения, extend исполнения песен Янки Дягилевой Алиной Симоне – обзор творчества Егора Летова, который втянул Янку на орбиту своего Дела. О Летове и «Гражданской обороне» Алина практически не имеет ни малейшего представления, она пошла «своим путем», и недостаточно хорошо знает русский язык, чтобы вникать в лирику «Гражданской обороны», а музыка Летова сама по себе с трудом привлекает кого-либо, так как музыки там вообще мало, разве что-то гово-

рит знатокам «гаражного направления».

Я сам не готов с разбегу в карьер заполнить это белое пятно, но некоторые опусы искусствоведов, с суждениями о танатосе, мне не нравятся, ни в применении к Летову, ни к Дягилевой. С одной стороны критики – это малообразованные фанаты, а с другой стороны филологи, члены жюри, любители силлабо-тонического стихосложения.

В конце концов, русский рок – это некоторая презентация поколения. Особенно поколение 90-х, которые надеялись на «перемены» и разочаровывались в том, как все реально вышло. Попробуем посмотреть на эти «дела Летова» с этой стороны. Кстати, в этом ключе есть хорошие рассуждения у Сергея Жарикова – о парадигме свастики, о волосатой битле, хиппарях, книжных и пластиночных спекулянтах. Более того, Жариков утверждает, что это именно он «сделал Егора Летова», и как апофеоз, указал ему на партию нацболов. Если как-то «сделали» Егора Летова, то можно считать – «так закалялась сталь» русского рока вообще. Все бы было хорошо в рамках такой модели, если бы в последние годы своей жизни Летов не начал уходить от политики в сторону, и не начал вызывать раздражение своих старых друзей разного рода «реанимацией», «сном» и «сиянием» без агрессии в адрес политических свиней. Свиньи в политике жили, живы и будут жить, это известно даже самим свиньям. В этой парадигме нет разницы между администрацией Кремля и администрацией Белого дома – все мы превратимся в Воду и Пар.

–3–

Лично я видел Янку в Новосибирске мельком, жаль. Я в основном жил тогда в Екатеринбурге, а в Новосибирск иногда приезжал. Как-то раз она очень бурно выражала восторг, бросившись на шею к Александру Рожкову. Он так же удивляется и сейчас с чего бы это... Но более

подробно наблюдал появление Егора Летова в Академгородке, его презентацию кассет, сработанных на Орбите и Олимпе с наклейками из советских журналов – сплошь противогазы, экспрессивные коллажи, и в таком количестве, что его энергия вызывала интерес и уважение. Я присутствовал на долгой репетиции домашнего концерта «В Пустоту» и на самом концерте на квартире Рожкова. Концерт назван был Летоным «в пустоту», потому что он думал, что его «разорвут на части», однако, публика осталась с его точки зрения равнодушной. Одна из первых фишек Летова, из тех, что я припоминаю – «Если б я мог выбирать себя, я был бы Гребенщиков...». Кстати, спустя много лет, мне это напоминает то, как Алина Симоне наезжает на Бритни Спирс в своей книге «You Must Go and Win».

У Летова и Гребенщикова – общее, shared – это их Дела. Иногда это называют шоу бизнесом. Егору Летоу приходилось открещиваться от конвенционального бизнеса и эстрадных тусовок, использовать маскировку. В частности, ярко выражаемое неудовольствие «санаторным» политическим режимом Брежнев, Сулова, Андропова. Но, удивительно, при Ельцине выяснилось, что хорош Ленин в Горках.

История с КГБ и майором Мешковым хорошо известна. В городе Омске такое случалось запросто, а кроме того, когда майор нашел суицидальную записку, мысль подлечить автора даже гуманна и естественна. Бывали случаи более сложные. Так или иначе, Летоу рассказывал мне о том, как его пичкали таблетками. От этих препаратов «ляжешь - хочется встать, встанешь - хочется лечь», и он там пристроился на кухне чистить картошку. А тут мимо режкимой психушки проходила Янка, заглянула, и сказала ему – «бежим!». Ну, им удалось убежать, и далеко, в Систему, в Киев, в Крым. Я думаю, изначально это была любовь. Далее соперничество и творческие попытки доминирования. Короче, я, однажды, включил

аудиодиски Янки своему коллеге-программисту, некому израильянину советского происхождения, Игорю Нхари, только что отслужившему в армии обороны. Он раньше ее не слышал никогда. А вообще русскоговорящие солдаты израильской армии обороны Израйля раскупают на центральной автобусной станции в Тель-Авиве диски с русским роком «со страшной силой» - «Гражданская оборона», «Янка Дягилева», «Коммунизм». Примерно так же продаются диски русского рока на Брайтон Бич в Нью-Йорке. Егор Летоу приезжал и сам лично в Израиль, когда я там жил. Но меня никто не предупредил, а то бы я поехал послушать живьем... Ну так вот, Игорь Нхари первое что сказал мне про Янку – «это все интересно, но она там не пыталась замуж выйти, детей родить...». Я даже не ожидал такое услышать про Янку, которая была выше мещанского болота и того, что «все как у людей»... Но Игорек сказал – «а что тут такого, разве это не естественно для женщины...». То, что, может быть, и естественно для женщины, к Делама Летова, к производимыми им скандалам, отношения не имело. Впрочем, я, конечно, только размышляю, какие-то факты, может быть, лучше известны подругам Янки. Например, Анне Волковой.

Кстати, что касается Омского КГБ, то накануне пленума об усилении идеологической работы Андропова, и до того, как стать большим другом Егора Летова, ко мне в Екатеринбург приезжал Олег Судаков «Манагер» с проектом реформы Добра и Зла. А закончилось это допросами в Омском КГБ. Позже, после смерти Летова в Канаду мне переслали письмо Егора Летова, в котором Летоу, пок еще плохо зная Судакова, предупреждает, что он очень опасен. Позже Манагер скажет, что Летоу как Иисус Христос. Упомянутое письмо Летова было лишено не опубликовывать в российской прессе, чтобы не компроментировать Судакова как выдающегося и еще не умершего деятеля сибирского андерграунда. Но я такие письма собираю. Если файл Чарльза

Буковского можно купить на его сайте, то мои файлы пока что нет, но мне говорили, что их читали уже.

Анну Волкову я встречал много раз в салоне Саши Рожкова на улице Первомайской, и тогда, когда она уже оставила Валеру Рожкова, и стала женой № 2 Егора Летова. Я припоминаю, что она находилась все время в каком-то легком трансе, и «представляла» или «презентировала», как на Западе говорят, Летова как celebrity. То есть, практически она не выражала ничего личного, а была «женой». С женой № 3, Натальей Чумаковой, я абсолютно не знаком, хотя вызывают уважение ее усилия по изданию архивов Летова, а также, видимо, ее заявления, что Егор умер всего лишь потому, что не хотел элементарно заняться своим здоровьем – точны. Летоу в последние годы стал двигаться в правильном направлении «в небо по трубе», а ему надо было бы уехать в Австралию или в Тибет. Или, хотя бы, начать принимать таблетки для поддержания сердца. Однако нечто вроде кармы его не пустило на прием к простому врачу...

Однако, и то что я пишу сейчас, похоже немного на желтые сплетни, а хорошо было бы заняться стихотворениями Летова. Я не литературный критик, думаю, что не выйдет хорошо. Официальные литературные критики предпочитают других авторов. Мне известно только, что кроме Сергей Жарикова, Летоу давали советы, например, Александр Кувшинов (посоветовал Александра Введенского) и Сергей Глазатов (посоветовал много чего, я и не знаю точный список, но в Русском Поле Экспериментов – есть что-то о том, что вечность пахнет нефтью из Бертрана Рассела). Вообще, Егор Летоу был чрезвычайно начитан и «наслушан западным роком». Я помню, он что-то мне цитировал и пересказывал – и вообще-то не был взволнован, и не переживал катарсис по пустякам. Не было у него и так называемого слезного дара. Но он добавлял в качестве bottom line к

произведению – «да, концепт хороший».

В факсимиле последних стихотворений Янки, которые я привез в Бруклин Алине Симоне, есть также стихотворение «Резиновый Мир». Мне кажется, что это итоговый образ восприятия Янкой Летова. Без претензии на психологически точный портрет, но в некотором роде экспрессия го- речи.

Резиновый мир

Резина легко меняет цвет
Резина легко меняет форму
Резина тянется. Резина гнется.
Резина почти никогда не рвется.

Моим рукам резина послушна
Я сам создал свой резиновый мир
Резиновых зверей - Резиновых
юдей.

В моих руках резиновый хлыст.

Живей резиновые куклы
Бодрей резиновые куклы
Быстрей резиновые куклы
Дергаются резиновые куклы

Я не люблю живую плоть
Ее слишком легко умертвить
Я не насильник и не убийца
Просто мне нравится менять форму

Я сам создал свой резиновый мир
Резиновых сучек с резиновой

кровью
Резиновые куклы не чувствуют боль
В моих руках резиновый хлыст

Резиновые куклы смеются
Я сам из резины
В резиновом мире

(авторское право на стихотворение – Дягилев Станислав Иванович)

Разумеется, все обвинения Летова, первоначально инициированные, кажется, Колей Рок-н-Роллом, в том, что он был причиной «ухода» Янки, не имеют достаточного основания. Не мог же Летоу на ней жениться с процедурой в Загсе, и предложить само-

вар, плюшки и фарфоровых слоников. Если бы фантастическим образом такое произошло, то Янка могла бы утопиться в каком-нибудь джакузи на этот раз от переизбытка счастья, а не депрессии. Сама по себе эта дискуссия интересна с точки зрения журналистики контркультуры – на тему о том, как нам умирать, молодыми или не торопиться. Споры о красивой смерти поэта. Но концепт, видимо, бессмысленный и бесплодный.

Ниже приводятся постеры художника Владимира Зимакова, Лос Анджелес, из книги Алины Симоне «You Must Go and Win» (2011), которые она передала Дягилеву Станиславу Ивановичу в город Новосибирск.

Также:

<http://www.youtube.com/watch?v=esxc97HWY1Q>

<http://www.youtube.com/watch?v=mtHaDQRupRg>

<http://www.vladimirzimakov.com/yanka-graphic-novel.html>

<http://www.szemtsov.net/zimakov.php>

Таким образом, это все «о русском роке». Мало кто в мире вообще знает, что такой существовал. Те, кто признает его существование, не хотят признавать, что русский рок имеет смысл за пределами России. Но ни Егор Летов, ни Янка Дягилева, ни Евгений Соловьев не были бы никому известны и внутри России, если бы не Woodstock, Jefferson Airplane и Ramones. Без русских друзей русско-го рока, лично знавших революционера Егора Летова - Лимонова, Баркашева и Дугина — можно было бы обойтись.

Валентин Ирхин

Ода состоявшемуся человеку

*совместно с Пиндаром
(в переводе М.Л. Гаспарова)
и современными практическими мыслителями*

Начинаем песню удачи.
Ты хочешь воспеть наши игры?
Присоединяйся!
Пока не поздно!
Не пожалейшь!
Шок – это по-нашему.
Если успеем, не дрогнем.
Времени больше не нужно,
В едином слове скажу я великое.

Зачем такие острые камни?
Ведь я уже не тот, не поскользнусь.
Однако не слишком внемлют,
А продвигают идеи свои.

Не тормози на вертикальных поворотах.
Хочешь признать поражение?
Можно и так.
Только тогда зрящим
Будет не столь назидательно.

Живи на яркой стороне!
Добавим воздуха бирюзовой краской –
Это дело благое.
Отстраняя ум с прямого пути вещей,
Отпусти свои мысли на волю,
Овцами и барашками,
Если сам на другом берегу.

Состояться только в смерти –
Выбор вовсе не для нас.
Рано просить новогодних скидок,
Еще остались попытки.
По правилам нужно использовать все,
Хотя и не все выносимы.

Много есть острых стрел
В колчане у моего локтя.
Это значит – только вошел в лес,
Вдыхаю колючую атмосферу.
Теперь босиком по железным ножам,
Шагами точными и красивыми.

Но пора мне воздвигнуть память мою.
Было же нечто достойное.
Не надо ударов гонга,
Выбросите будильники.
Уже осознал, повернулся и вспомнил.
Так и стою боком.

Все, что есть, и правое и неправое, –
Не станет небывшим
Не изменит благого исхода.
Чистому и умьтому все на пользу.
Это и удивительно,
Как могут в сердце ужиться
Тяжесть и пустота?
Видно, оно глубоко,
И пока не исчерпано.

Самую крепкую стрелу свою
Муза еще не сработала для меня.
Стоило ли дожидаться
Сомнительных милостей дамы
Или идти суровым путем? –
Не знаю, не знаю, что проще и
эффективней.

EVERYONE IS CRYING
OUT TO ME, BEWARE!

ALINA SIMONE
COVERS THE MUSIC OF YANKA DYAGILEVA

Муза встала рядом со мной,
Давненько не слышал голоса этого.
Похоже, что ей удобно
(Тяжело без опоры и системы),
Ибо мною обретен новоблещущий лад –
Просто так не дожидаться внимания.
Вечно у них свои планы на нас,
Легковерных усталых героев, –
Если бы чуть пораньше,
Всё бы пошло в дело.

Разным людям — разное величие;
Высочайшее из величий — венчает царей.
Экая благородная личность,
Как должно быть ему тяжело,
Быстро не расхлебашь.

Не от страха, не от гнева, а от буйства злой толпы.
Но тише:
Нестерпимая боль, укрощенная, умирает,
Заглушаясь радостями удач.
В толпе, в опоздавшем троллейбусе,
На постылом рабочем месте –
Везде встречаются они нас.
Не умолкают
Тик шахматных часов,
Рев тракторов и прокатных станов.

Дали мы обет единый –
И довольно разумному.
Впрочем, вытянуть легкий жребий –
Тоже хорошее дело,
Нужны и разменные монеты.

Богатство, украшенное доблестью,
Ведет мужа от удачи к удаче, от заботы к заботе,
Сияет звездой,
И нет сияния, свойственное человеку.
Что же с ним делать далее, –
Оставить отставшим коллегам по цеху?

Лишь достойные мужи
Обретают беструдную жизнь,
Однако не сразу, не сразу...
Что-то в висках сверлит,
Волнами бьет,
Близко, видать,
Решающие события.

Ныне достиг предела, коснувшись Геракловых столпов.
А как будет завтра, уже подумал?
А голова все кружится и никнет, шею не повернуть.
Не стоило так надрываться вчера,
Если насчет прощальной трапезы –
Больше яств, меньше слов.

Что это там, на горе?
Да не поразит меня камень зависти,
Успех друзей –
Сладкая весть, мгновенная радость добрым.

Вот именно
Миг единый,
Дальше будут расчеты.
У таких парней
Опасно быстрая реакция.

Эти ритмы ночью и днем
Заклевали, закрутили,
Бросили наземь.
Не думайте о цифрах, думайте о словах!

Питали его, оберегая,
Невредящим ядом пчелиных жал –
(Им-то самим
Он, конечно, безвреден).
Ну что же, будем лечиться.
Дыхание слишком легкое,
Но шансы на жизнь имеются.

Из пальцев выпустил каплю мощи,
Как будто она будет лишней
На той стороне.
Трогайте, проверяйте!

Ночь принадлежит неспящим!
А как насчет споткнуться
На рассвете о корень дерева?
И это не испугает.
Пока идем, зеленеют оливки,
Мир существует, ему весело.

Пусть же его блаженства не тревожит
Крадущееся время.
И такого пытаться сбить
Вопросами и уточнениями –
Как им не стыдно!

Шествует он по видному пути,
Что имеет свои проблемы,
А преимущества неясны –
Эти вспышки портят глаза.

Опять чужие приключения,
Страсти и ужасы до дрожи.
Зачем перевязывать раны дерюгой,
Небесные дворцы латать известкой?

Плата получена,
Баланс достигнут,
Пасьянс лег изящным веером,
Кругом полнога бытия.
В ясной голове ни картинки, ни имени.
Без идолов!

Осталось важное замечание –
Дочерна дом не спалить,
Намеренно или случайно.
Этот город в огне,
Чужие не ходят здесь
Уже довольно давно.

Все не настолько удобно,
Без доброй страховки не так весело.
Хороши два якоря
Быстрому кораблю в бурную ночь.
Покрыты вечной ржой
Окраины большого бытия.

Он пришел за вещаньем к богу,
И указал ему золотогривый из сладко курящегося капища
Прямой корабельный путь.
Вот теперь все по-честному, без отговорок,
Даже терпение пригодились.
Однако держитесь за мачту, конец рядом.

Расшатанные основания
Взывают до самых небес.
К шествию, Музы!
Пора, дорогие, время делам, финиш утехам!
(Заметим, столь длинных одежд
Больше не носят.)

А дальше – от избытка сил и чувств.
Красная речь на устах моих,
Пузыри новых миров
И прямая отвага вздымает мой язык.
Довольно горячей крови,
Преграду поставим речам недобрым.

Чудо лежало рядом с ним.
Он схватил его.
А чего нам стесняться?
Рыба – она просто рыба, не зверь.
Управляй своей мечтой!
Поигрался со змейкой,
Все еще жив – опять небольшое чудо.
С попутным делом забывается и смерть.

Я пришел сюда добровольной подмогой
Музам на сияющих престолах,
И это зачтется заслугой,
Хотя уже не потребной.
Какая странная игра
Без лишних правил и выгод.

Монолог из сказки (подражание Шекспиру)

Пускай приходят
все существа иных миров
(о сколько их
невидимых-крылатых)
и на коленях тысяча сеньоров
я не подвинусь с места
и не отвечу
на их призыв

мне нужно чтобы ропот
стоял над этой цитаделью
и прогремела радостная весть
о будущем устройстве царства
для их же пользы
самый строгий суд
меня поймет
и не замедлит сроки
для истины и правды

а эта повесть все-таки не сон
который позволяет примириться
с дурной реальностью
и равнодушно
слагает с плеч тяжелые мешки
с подарками для младших

рассудок скорбный
пробует измену
когда б ему пораньше пробудиться
сорвал бы целый банк
не просто прибыль
сейчас не время
почти не стало праведных традиций

пускай трубит
над крышами метель
и воздух пахнет дымом
осколками рыдают стены
как видно им досталось
недолго укреплять позорный мир
для измельчавших в скуке великанов
да разве это повод
для поражений
не подобает радостным героям
ломаться и теряться в битве

хватит жестких игр
на них теряем попусту здоровье
которое пригодно и для дел
для обучения и наставлений
богам чертям и людям
ведь разнесет угрюмая пурга
благополучие и блеск румянца
нет в лихорадке прочности и славы

я постараюсь
сказку завершить
не так бездарно
как бывало в детстве
где оставались крошки пирога
и никаких плодов
для верного народа
так значит всем привет и назиданье!

Темная цель бытия

встреча и разлука

встреча всегда забыта
если разлука следом
встреча была с той
невиданной и иной
небывшей отроду
разлука лишь с этой
которая не забывается

ее подвиг

ее служения подвиг
загаданным чудом огромен
колос всходящий стократ
волной из глубин любви

чуждый корысти ответ
сомнений и страха не строит
если услышит
поймет
не забудет

измена

Она никому не изменит
(что ей они или он)
только себе
когда покинет мечту и надежду
глянет глазами толпы
в сумерках серыми
зевнет и задремлет
чтобы проснуться другой
бодрой безжалостно свежей
забывшей про быль и сон
милость веру закон
чувствами сытой но жадной
к новому дню
где жизнь и место
для ней одной

ее мудрость

древняя мудрость ее
скрыта от глаз
этот расчет на века
вперед и назад
в темных речах
грубых и диких
смысла ты не увидишь
заперто сердце
панцирем жестким
в железных колючках
путь к нему долог
прямо сейчас это больно

ее разум

разум ее
тонкий и сильный
приходит волнами
вместе с приливом
с любовью
с отливом уходит
далёко

без цели и логики
светится
песчаный узор

превращение

Она не стоит на месте
плавно меняется
поддается высоким словам
снимает свое оперение
кожу гляцевую
сияние кажется мягче
только проверить
нет ли в ее глубине
иллюзии восприятия
обмана
провала

обратное превращение
проходит быстрее
надеждам конец

ее молитва

точные и действенны
ее молитвы
ты только начни
неизбежен ответ
все случится

лишь верности нет
цепь прерывает обида

не знающая причин
разрушающая основы
или обычная меланхолия

расплата

в старые времена
она начинала соблазн
с призрака счастья
любви и свободы
теперь все иначе
честно и откровенно
боль и отчаяние сразу
расплата вперед

на что не пойдешь
в этой слепой вере

ее гнев

гнев ее
идет черным вихрем
срывает крыши
увлекает ее в чужие миры
где исчезают остатки мысли
станут оружием
кипящие чувства
дурные слова
иное и прочее

она разнесет в клочья
всякого встречного
и в танце галактик
сама распадется на части

щедрость и месть

щедрость ее немногим
горе и месть для всех
щедрость без меры и повода
за боль и предательство месть
утрата смысла и веры
беспутное бытие
единую волю и силу имеют
месть и щедрость ее

приговор

ее приговор как судьба
непререкаем и тяжек
криком неожиданным
страшен для ней самой

надежду считать виной
не оставлять в живых
пленные души
разве что в одиночку
в сером чистилище

заклятью есть мера и время
рухнут и эти стены

источник

Она отворяет путь
к источнику жизни
идите и пейте
распахивает двери
проводит в иное
если сможете
загадку решите
найдите хорошее
если не так
ящик Пандоры
теперь не закрыть
все пропало

ДИСПОЗИЦИЯ

мы завет держали гордо
напряженно и всерьез
а когда дохнула осень
завалило коридоры
оказалось слишком поздно
не сошлось не удалось

мы глядим в глаза но мимо
искренне и молчаливо
сон храним в руке пустой
быть святым и нечестивым
не прорваться по изгибам
не пробиться прямою

* * *

через два понедельника
встретимся
даже без бешеных денег
есть чего

не написать нам портрета
начисто
не умирает доверие
святости

хлынет беда неумеренно
спрячемся
и в небесах просветы
страждущим

разве пройти эстафету
цельми
тело искрит мелкими
стрелами

просто крутить целями
смелыми
встанет судьба своевременно
сделаем

СИНТЕЗ

сила акваланга
стойкость без мании
пояс обнимает
крепнет дыхание
лишние данные
разболтать горлом
строго по плану
налегает ворот

плазменный шнур
ярче и глубже
выдержит не сгинет
внутри и наружи
трепетную линию
веры не нарушит
ядерный шум
в поле любви

послание другу

при участии bepo11

привет
час от часу не легче
.....
пожелание бывает очень

и буря в этом
настроении причинном
к тому же
долгую обиду прочит

цвета и тени
на заборе переменном
косом
косые чертят интегралы

не зная
о дрожи аргументов
проходим
в створе наклоняясь под удары

проносим
различая промежутки
колени
преломив о скалы

увидим
умолкая перед морем

как ветер
нам пожитки собирает

без сна
до слез о всем
потерянном не сбывшемся
страдаем

дурные
следы известия и планы
водой
стираем

все шире
охваты дел
масштаб последствий
для призрачного мира

пока не треснуло
лишь скрежет
по волосам и нервам
поверх орбиты

пока ответ стального рога
не слышен
читаем думаем и молим
пишем

Девон

при участии bepo11

Мы в тропических ливнях доки,
Веселимся над влажной глиной
И кругом намечаем профиль
Исполина и властелина.

Нам степняк не стреножит сроки,
Вертим в небе запас длинных денег.
Пребывая в неге и роке,
Краем глаза следим за тенью.

Поднимаясь из девственной пыли,
Мы хребтом пробиваемся к цели,
От которой камни застыли,
Но не гаснут импульсы в теле.

Числа

сорок лет то ли суток роскошным параличом
укрывались по горло как дети пустыни
только верность и высшая воля пока ни при чем
мы и сами нескоро от памяти ада остынем

красным цветом искрят поврежденные веки равнин
напряженно считая небесные скудные знаки
пусть толкуют о сути пророк и раввин
разбирая остатки и смыслы разнuzданных практик

нагнетали подтекст прошивая узором ковры
продираясь сквозь бред и оскалы наречий
и узнали границы и сроки повторной игры
тщась надеждой удел обрести человеческий

клоун

заручившись надежным правилом
тонким зонтиком вместо оружия
против жгучей стремительной молнии
без напряжения и стыда
я уселся в центре окружности

как сверкнет – зажмурю глаза
зажимаю ладонями уши
не желаю расстроить зрителя
строю добрые рожицы детям
ищу подбородком сердце

не спешу провалиться сквозь землю
ни снова карабкаться выше
покамест пробую выжить
да и дорога лежит
через очень узкую дырочку

Утренний наказ

Похоже, мессия встал с левой ноги,
Опять повернулся не той стороной.
Хорошим побудь, не шали и не лги,
Сегодня расклад у тебя непростой.

Хромая по склону и камни дробя,
Худой бороздой доберешься один.
Друзей береги, завершая обряд,
Над озером звездным дождем пропади.

псалом левиафана

разве бывают планы глобальней
пламенем буквенным прошит договор
белая баня для левиафана
раздевалка, кухня и коридор

всей земле светлый лик проявлен
расцветает благом древний уговор
назревает драмой коварной
дергает двери сонный прокурор

темные вихри ломают нахально
тяжелее страсти, холод и позор
станет миру молотом и наковальней
звездною пылью на челе узор

в новом веке дело провально
кашляет кровью строгий приговор
он во млечном пути проварен
брошен в сеть как разбойник и вор

вдруг взвывается спиралью дельфиной
жалобе звериной зачем перевод
вырезана пара скрещенных линий
на больших боках и чреве его

Ирина Чернова (Василиса Кошкина)

Ирина Чернова (Василиса Кошкина). В 2000 году окончила РАТИ(ГИТИС): мастерскую В.А. Андреева. Участвовала в различных антрепризных постановках как актриса и как режиссер. Лауреат различных конкурсов и фестивалей, артистка театра и кино. С 2009-го года работает арт-директором КЦ «Твой праздник». Мама двух очаровательных и талантливых детей, Маргаритки и Василька. Автор детских пьес и сказок. Увлечения: семья, животные, машины, танцы, путешествия. Считает, что главное в жизни - это хорошее настроение и любовь, потому что именно они помогают творить настоящие чудеса!

Такси

Любимому мужу посвящается

Людей, попавших в последний момент на электричку, объединяет чувство единства и радости от успешного мероприятия. Они хитро переглядываются, храня общую тайну успеха. Улыбаются, как бы себе и всем вокруг одновременно. Олесю эта участь миновала. Она осталась по ту сторону баррикад, с теми, кто на электричку, чудо наземного транспорта, не успел. Эти люди тоже обладают чувством общности. Одни перегля-

дываются с чувством растерянности, другие неловкости, третьи - берут в союзники тех, кто с этой минуты вступает в партию ненавидящих машиниста электрички, на которую они опоздали. Затем на челе вырисовывается осознание того, что не все потеряно, и еще есть выход! Автобус! Конечно, придется стоять в пробке на Дмитровском шоссе, но это лучше, чем терять время на платформе! Осознание сего факта приходит к разным людям с

разной скоростью. Стрелянные бойцы бросаются к автобусу, больше похожему по размеру на «запорожец», со скоростью спецназа и, довольные собой, занимают сладкие места. Следующим, занявшим второе место по сообразительности, достаются места для претендующих в федерацию йоги. Третьим, среди которых оказалась и Олеся, предлагается подождать следующую лягушонку в коробочке, которая будет не раньше, чем через час. Пока Олеся бежала за автобусом, путаясь в полах длинного пальто и шарфе а-ля Айседора Дункан, все же зацепившись за поручень неимоверной железнодорожной лестницы и упав в грязное месиво на платформе и порвав новые колготки, за ее манёврами наблюдал человек. Он сразу заметил ее нестандартный наряд и стройную фигурку, угадывающуюся за ворохом развевающихся тряпок. Еще когда она неслась по мосту, было понятно, что на автобус она не успеет, но она упрямо бежала. Значит, ей необходимо попасть в Москву, значит, она - его клиентка. Уже был виден хвост повернувшего за поворот автобуса, но упрямая девушка продолжала бежать, на ходу, довольно громко, на все корки матеря мост, грязь, электричку и автобус. Добежав до остановки, она топнула ногой, как маленькая и стукнула себя кулаком. Наверное, весьма ощутимо, т.к. сама же поморщилась и начала бессмысленную ходьбу из стороны в сторону. Мужчина, наблюдавший за ней из салона такси, высунулся из машины, приветливо махнул рукой и предложил:

-Девушка! Давайте ко мне! Мигом домчим! Куда вам надо? - парень весело подмигнул.

-«Без рельсов жителей доставлю на дом», - процитировала Олеся. Она хотела было отвернуться, но парень залихватски подрулил к ней, не оставляя ни малейшего шанса на отступление.

-Девушка! Автобус через час, электричка через два! Что вы теряете?

-700 рублей! - ехидно заметила Олеся.

-Да разве ж это деньги за комфорт и время? - увещевал водитель.

-Мне надо подумать... - засомневалась Олеся.

-И думать нечего! - уловив в ее тоне ноты сомнения, устроил старания таксист, - Сколько еще стоять, холодно же, а у вас пальто мокрое, и вас ждут, наверное?

-Наверное... - как загипнотизированная, повторила она и села в машину, кивнув, соглашаясь, скорее себе, чем меняле-водителю.

Пассажирика сидела относительно смиренно и молчала. Изредка поглядывая на часы, она зачем-то проверяла содержимое сумки и содержание мобильного телефона. Сделав вывод, что девушка, похоже, нервничает, водитель решил ее успокоить:

-Да вы не нервничайте так, пробки нет, из-за светофора стоим. Скоро рассосется!

-Ничего не рассосётся... - угрюмо заметила Олеся.

-Ого! - проникся водитель, - кто же это вас так обидел?

-Никто, - ответила девица, - я сама себя обидела, у нас самообслуживание!

-Красиво! - оценил таксист.

-Не красиво... так некрасиво, что аж тошнит!

-Круто у вас получается! Мне с вами интересно. И, все же кто приложил руку к столь печальному настроению?

-Руку приложили к очень хорошему настроению, - ответила Олеся, - руки были грязными, и от этого оно испортилось!

-Жаль! - искренне посетовал таксист, - такая девушка симпатичная! И такая грустная... Ну, чем мне вас порадовать? Хотите, я вам скидку сделаю? 500 рублей получится...

-С чего такая щедрость? - прищурилась Олеся.

-Да, я ж говорю, понравились вы мне, хочу развеять грусть-печаль...

-Счастье не купишь, - вздохнула Олеся, - но на скидку согласна.

-А, хочешь, я тебя и обратно заберу за 500?! По-любому экономия выходит! Вот, моя визитка, держи! Меня Николай зовут. Позвони, и я мухой к тебе!

-Мы уже на «ты»? - уточнила Олеся.

-Давно! - расплылся в улыбке Николай.

Так, шутя, балагуря и каламбурия, они домчали до Алтуфьево, где Олеся упрямо пересела на метро, все же взяв напоследок визитку Николая, оказавшуюся на удивление пафосной для таксиста. Уверив парня, что позвонит, как только, так сразу, Олеся нырнула в переход.

Эта дорога заняла, казалось, полжизни. Уже в сотый раз оглядывая себя в микроскопическом зеркальце на ручке расчески и злясь на себя за то, что не взяла пудру или тональный крем, т.к. нос предательски блестел и краснел, нарушая целостность и идеальность образа, Олеся подгоняла и без того скоростной вид транспорта.

Она ехала расставаться. Придумав красивый, идеально простроенный монолог, она ждала, что после него не будет шансов к отступлению ни у него, ни у нее. Но он все испортил, поцеловав ее при встрече, как умел целовать только он. Все, что готовилось не один день, все, с чем жилось не один год, все доводы, теории и философия, так удачно и красиво складывающиеся в текст, равного которому, как казалось, не знали и древние ораторы, - было разрушено.

Мысли улетели совершенно в другом направлении: как остаться с ним наедине, чтобы никто не мешал. С удивлением оглянувшись вокруг, Олеся обнаружила себя в торговом центре «Охотный ряд», и где-то внутренне, все же, возмущилась своей мягкотелостью. С чем же она ехала сюда? Ах, да! Купить шикарное платье к Новому году, чтобы отметить Новую Жизнь, пару кофточек, для тонуса и расстаться с НИМ! С человеком ее жизни, которого она желала и любила больше всего на свете. Который был непоправимо женат и, которого категорически не хватало в ее, Олесяной, жизни. С человеком, с которым она не могла, при всем желании, находиться рядом спокойно. Вся планета начинала вращаться в ином ритме, подчиненная его, Владовым, канонам. Раньше, с ухмылкой читая в любовных романах, как сердце остановилось, а «дыханье сперло»,

она не на шутку сомневалась в умственном и душевном равновесии авторов, считая подобные эпитеты касающимися либо людей недалеких, либо параноиков с маниакально-сексуальными расстройками. Ну, приятно... Но что же глаза-то закатывать, и дыхание... Это к пульмонологу, аллергологу и в туб. диспансер! Влад, видимо, не особо владел вопросами логики и здравого рассудка, поскольку изменил привычный мир и представление о нем одним прикосновением. Когда же он ворвался в нее своим поцелуем, Олеся поняла, что больше себе не принадлежит. И к черту логику, стереотипы и философию свободной жизни... Границы дозволенного природой стерлись. Полет начался и заканчивался всегда по-разному, в зависимости от обстоятельств, но всегда феерично, отрывая их души и тела от грешной Земли, на которой такого нет и быть не может, если подчиняться логике. А Олеся и Влад «избранные, им до логики и до правил общественного толка все равно» - Владовы словечки. Они «выше, мудрее и благодарнее» - опять же ЕГО толкования. Так было до тех пор, пока не вмешались их величества Тоска и Ревность. Каждый раз, когда Он уходил к своей, пусть приземленной и нелюбимой, жене, Ее сердце рвалось на куски. Он - так мог, она - ТАК не могла. Тоска от его отсутствия смешивалась с легким безумием. Правда, это приносило свою пользу. В квартире был идеальный порядок. Внешность отреставрирована по полной программе. Кот выглажен во всех направлениях. В работе ей не было равных по продуктивности. Пытаясь заполнить часы, а то и дни или недели его отсутствия, Олеся занималась этими нехитрыми житейскими делами с особым рвением, выкидывая, подчас, помимо мусора и массу ненужных и нужных вещей из квартиры. А глядя кота, доходя до того, что уже оба могли бы спокойно вырабатывать электричество. Пагубно это отразилось лишь на счетах за электричество и мобильный телефон. Дело в том, что Олеся теперь страдала бессонницей и предпочитала ночью работать, убираться или

смотреть телевизор, что при свечах делать крайне некомфортно и вредно для зрения. А бесчисленные смс длиной 1 на целых 10 и совершая звонки ради голоса любимого, в каком бы роуминге он не находился, окончательно подорвали бюджет начинающей, еще не очень популярной писательницы. После филфака МГУ Олеся отчетливо поняла, что категорически не хочет преподавать, а более никто, кроме школ и вузов, в ней не нуждается. Тогда она рискнула и предложила известному издательству напечатать одну из ее новелл, которые она так любила писать на досуге. Она понравилась, ее издали, но она не смогла быть «топовым» автором, и про нее забыли. Единственное, где она с удовольствием применяла свой талант - это были журналы, в которых время от времени печатали ее статьи и рассказы. Заработка хватало на скромное существование и на гордое звание писательницы. С появлением Влада Олеся неожиданно для себя ощутила прилив сил для написания новой книги. Муза не покидала ее, и вот Олеся издает уже третью по счету книгу, которую шибко раскупают читатели. После издания первой книги они с Владом жутко и весело напились от счастья, а потом занимались любовью прямо в парке, где уже никого, кроме них не было. Только стайка удивленных собак, которые не знали, что люди тоже так могут, только потом не будет щенков. Щенки, т.е. - дети, были теперь тоже особым камнем преткновения. Олеся страстно желала родить малыша от любимого мужчины. Она могла. Он - не мог. Или не хотел ответственности, ссылаясь на то, что ему хватает ребенка в виде его капризной жены. Но, продолжая вздыхать возле каждой детской площадки, изводя тем самым бедную Олеся, и без того готовую забеременеть и родить сию же секунду. Но это была лишь какая-то игра, понять которую и объяснить Влад бы и сам не взялся. Не было нужды лукавить или пристраиваться, как он сам считал, говоря ей все, что он думает на данный момент, по принципу: «что вижу, о том и пою!» Даже не задумываясь, сколько боли и тер-

заний он доставляет своей Олеся. Сколько душевных сил тратится на пустые надежды и обещания. Как мучительно принимать саму мысль о том, что ты всегда миссис секунд. Когда, поначалу, она звонила и хлопала носом ему в телефонную трубку, он псевдо-строгим голосом обещал ей «приехать и вылизать ее мокрые щечки», ее сердце начинало учащенно биться, но пару - тройку раз прождав пол - ночи обещанный приезд, она ложилась спать или занималась работой, не забыв положить в карман, под подушку или на полку в душевой мобильный телефон. «А вдруг, все же, решит приехать или позвонит и объяснит причину своего отсутствия». Но он не приезжал, а телефон молчал. Когда Олеся пыталась наемкнуть, что ее это задевает, он отвечал, что не понимает, отчего должен лукавить с ней, если он испытывает к ней особое доверие и любовь, и что только она в состоянии правильно услышать и понять его порыв! А то, что не получилось в реальности, не его вина! Обстоятельства, знаете ли, такая штука! Никогда не знаешь, где соломки подстелить!

Любовь странная штука. Действительно, все доводы, пусть не очень корректные, от любимого человека кажутся чрезвычайно убедительными. Трезвомыслящие подруги и всегда прозорливые родственники, видя, как пропадает ценный вид по имени Олеся Гальцева, верно давали советы бросить презренного мучителя. Она соглашалась, писала монологи расставания и, вот, уже год, не сыграла ни строчки из написанного моноспектакля. В театральном вузе есть актерский этюд «пришел, чтобы уйти; пришел, чтобы остаться». Ты не должен планировать финал, надо идти по чувствам, куда кривая выведет. Так вот кривая Олеся выводила всегда на заданную точку. Проблема не только не решалась, но и усугублялась новыми мыслями и доводами, которые не мог не подтвердить не опровергнуть Влад, поскольку они ни разу не были озвучены. Олеся впадала в страстно-гипнотический транс при его приближении и теряла голову, а вместе с ней и мысли, при прикоснове-

нии. Влад же получал потом, после расставания, порцию смс-сообщений, в которых он гневно, страстно и загадочно обвинялся в черствости, непонимании и недальновидности. Решая, что баба зверь загадочный и неповторимый, хотя и притягательный, он принимался игриво шутить, делать комплименты, играть роль человека крайне влюбленного, раз ей так хочется. Он начинал зазорно козырять любимой фразой: «будешь дуться и расстраиваться, возьму и приеду!» По-прежнему не понимая, что с этого момента начинается пытка бессонной ночью, во время которой Золушка, вылизывая в сотый раз квартиру, будет печатать свои книги и плакать, мечтая о приезде, а лучше переезде к ней ее принца. Безумно опасаясь ее реакций, он вводил не тот препарат, только усугубляя и без того плачевное состояние пациентки.

И в этот раз, вдоволь нацеловавшись, поев в кафе, накупив трусиков, сарафан и три сумки, Олеся то ли забыла, то ли решила отложить столь необходимый разговор.

Они уже подъезжали к МКАД, как вдруг зазвонил его телефон этой особо-паршивой трелью... О! Как жаль, что эмоции человека нельзя увидеть изнутри! То, что в этот момент творилось в душе Олеся, можно сравнить лишь с атомным взрывом, вырвавшимся из кровавой, рваной раны. И этот тон! Как хорошо она его знала! Извиняющийся-расстроженный, ласково-одолжительный, упрекающе-согласный.

-Да... хорошо... А, это так срочно?... - и, уже Олеся, - понимаешь, это так неожиданно... Обстоятельства против нас...

-Обстоятельство, по имени Наташа? Как ты... А впрочем, не важно!

-Мне все про тебя важно!..

-Это-то и незаметно,- вздохнула Олеся.

-Видишь, как ты все воспринимаешь?- тоном Психологика заявил Влад, - что толку с тобой говорить, если ты все равно убеждена в своей правоте!

-А ты даже не выслушал мою точку зрения...

-Ты же сама ее не хочешь говорить...

-К чему?... - пожала плечами Олеся.

-Вот и поговори с тобой... - хмыкнул Влад.

Позднее она будет вспоминать этот диалог как один из самых бессмысленных диалогов в ее жизни. Между тем, слова были не нужны. И так все было ясно.

-Останови машину! - приказным тоном заявила Олеся.

Это было нечто свежее в ней, и Влад посмотрел на Олеся с нескрываемым интересом.

-Я прошу остановить машину, - сквозь зубы прошипела она, - ты вроде не страдал плохим слухом!

Она ему еще не хамила и, кто же его знает почему, его это даже возбудило. Он попробовал успокоить ее привычным жестом, взяв за руку, но Олеся отдернула ее.

-Что с тобой? - спросил, наконец, Влад.

-Ничего... - буркнула Олеся, - я поеду на такси, - она достала пафосную визитку таксиста Николая и набрала номер, - Алло, - максимально кокетливо пропела Олеся в трубку, - Коля, это Олеся, помните меня... Ха-ха-ха... Да, уж... - продолжила флирт Олеся, видя, как наливается апоплектической краской Влад, - да, я вас буду ждать возле кафе «После дождя». Знаете такое? Замечательно! Через 10 мин. И, знаете, я не люблю, когда опаздывают, - томно добавила она.

На Влада было жалко смотреть. Столь несчастным она его никогда не видела, но он быстро взял себя в руки.

-Кто он? - деланно равнодушно поинтересовался Влад.

-Человек, - пожала плечами Олеся.

-Ммм... Это звучит гордо... - кивнул Влад.

-А-то! - задиралась Олеся.

-Значит, таксист. Парень работающий. Это хорошо... - улыбнулся Влад.

От его улыбки Олеся стало нехорошо. И, хотя она понимала, что это вымученная улыбка и наигранная

оценка, ей хотелось, чтобы он рвал и метал, как Отелло! И, даже, убил бы ее, защищая их любовь и избавив ее тем самым от мучений. Но он предпочел светский тон, посчитав дурным воспитанием проявление ревности.

У Олеси же эта игра и одолевающие ее мысли отняли столько сил, что ее даже пошатывало на ветру возле кафе с романтическим названием «После дождя». Влад глянул на часы, как показалось Олесе, раздраженно.

- Не плачь, - посоветовала она ему, - можешь ехать к своей Наташе, она тебя заждалась, поди!

- Зачем ты так! - отозвался Влад, - как будто, ты не знаешь, как мне хочется поехать с тобой!

- Ага, - продолжала юродствовать Олесья, - обстоятельство...

- Ты хочешь мне сделать больно? - догадался Влад.

- Неет, что ты, - тоном гестаповца, готовящего инструмент для пыток, уверила Олесья.

- Олесь, не глупи, садись в машину, я довезу тебя.

- Не надо одолжений! - ответила она и махнула рукой подъезжающему таксисту, - пока!

Проехав метров 300, Олесья с ужасом поняла, что рыдает в голос именно она, и что Николай обращается к ней с просьбой успокоиться и с вопросами, что случилось.

- Это что за крендель? А? Это из-за него, да? - увидев утвердительное мотание головой, он продолжил, - ну, хочешь, мы его найдем и сделаем из него мопса, - Олесья с ужасом замотала головой, теперь уже отрицательно, - ок, не будем мы его трогать, охота была руки марать!

- Я его люблюууу! - выла Олесья, сотрясаясь от напавшей от рыданий икоты.

- Таак... - не понял Николай, - а чего ревешь-то?..

Но Олесья говорила невразумительными междометьями, выла и икала...

- Ясненько все с вами, девушка! - констатировал диагноз «истерия» таксист, - никуда не уходите, я на минуточку! И, припарковавшись, он исчез в недрах супермаркета.

По радио, в такси, неслась какая-то душераздирающая песня о любви. Олесья принялась рыдать пуще прежнего.

Николай появился с джентельменским набором: коньяк, стаканы и шоколадка. Олесья невразумительно хрюкнула, что она не пьет.

- Сегодня это в виде лекарства, а иначе мне придется тебя отлупить, чего не хотелось бы.

Олесе тоже не хотелось, поэтому вот уже второй час, выпив полбутылки коньяка, который в здравом уме она и на дух не переносила, рассказывала совершенно чужому ей человеку историю своей жизни. Когда не осталось никаких сомнений в том, что рыдать она больше не будет, Николай заключил:

- Ох, ну, вот, не пойму мужиков! Ну, что им еще надо? Баба ты красивая, интересная... Даже мысли какие-никакие правильные в этой маленькой симпатичной головке имеются... Скажи, ты что, правда его любишь, да? - но, увидев, что ее нос опять начал морщиться, пожалел о вопросе, - можешь не отвечать, - поспешно сказал он, - я только намекнул, что он-то, похоже, тебя не любит, - слеза все же сорвалась и плюхнулась на ее пушистый шарф, который уже и без того был пару раз залит коньяком. - Слушай, - вспылил Николай, - тебе к сантехнику надо! Вон из тебя как льет-то! - Олесья горько улыбнулась, - Ну, вот, хоть рублем подарила и то ладно, - обрадовался Николай.

- Николай, вы редчайший человек! - восхитилась Олесья, - вы всегда такой жизнерадостный?

- Да, по-всякому бывает... Я же живой человек! А таксисты они, знаешь, еще и психологи. Это включается в профпригодность. Приходится, ведь люди-то самые разные садятся. У каждого свои проблемы, свой характер, свой путь следования по жизни и маршрут направления такси.

- Мне с вами интересно, - кивнула Олесья.

- С кем это с нами? - Николай потешно огляделся по сторонам, - Эээ... Девушка, да вы нахлопкались и теперь я у вас двоюсь. Или троюсь?

- Нет, - отмахнулась Олесья, не совсем понявшая шутки, - это я пытаюсь выдерживать правила приличия.

- Хватит уже, выдержали, - хмыкнул Николай, - если и дальше их выдерживать, то они испортятся. Я, прям, стариком себя чувствую или на приеме каком. Давай на ты?

- Давай, - согласилась Олесья, - А почему ты думаешь, что он меня не любит?

- Да потому, что этот тип, ни разу не учел твои интересы. Он же не ребенок, в конце-то концов. Он должен понимать, что происходит. По-моему, так ему просто удобно. Одна там, другая здесь. Одна в одном хороша, другая в другом. Зачем что-то менять. Все ждут, мучаются... А если бы он принял какое-то решение, то однозначно получил бы порицание с другой стороны, а так, вроде, никто особо, не ругает... Как же можно ругать того, кого так ждешь! Хорошо мужик устроился... Мне аж завидно, с одной стороны, а с другой, что за жизнь: между стульев сидеть. И комфорта особого нету, и неровен час - совсем упадешь.

- Да, вы действительно философ, - удивлительно заметила Олесья.

- Можно я тебя поцелую, чтобы ты перестала меня на «вы» кликать? - подался вперед Николай.

- Не стоит, - отпрянула Олесья, - я и так попробую исправиться.

- Ну, не хочешь, как хочешь, - расстроился Николай.

- Не хочу, - кивнула Олесья, - А еще мне уже нехорошо от выпивки, отвежи меня домой, пожалуйста.

- Как скажете, мадам...

- Не обижайся, Коль, - Олесе вдруг стало жалко парня, который столько времени на нее потратил, а она ничем, кроме пьяных соплей, не заплатила, - я правда его люблю и совершенно не могу ни на ком больше сосредоточиться.

- Нет, лапушка, ты просто зациклилась, вот и всё! Оглянись по сторонам, так много есть тех, кого можно полюбить, и тех, кто любит тебя! Любовь, она во всем! Господь создавал все в любви! А мы ходим и ищем то, что у нас перед носом! Отвергая тех, с кем наша жизнь если бы и не стала раем, но и не была бы адом! Мы

слепые! И, говоря это тебе, не считаю себя исключением. Я тоже потерял жену, люблюм мною женщину от того, что считал, что она всегда ждет меня. От того, что времени на любовь и внимание и не оставалось совсем. Каждый раз задерживаясь на всевозможных совещаниях, сидя за компьютером или уезжая в командировки, я думал, что кормлю семью, что делаю все для любви. Что времени для жены уделяю достаточно, не обращая внимания на ее робкие намеки про то, что мы уже давно нигде не бываем, что детям необходим отец, что ей грустно и т.п. Думал, что ей терпения не хватает, пока не понял, когда она уехала от меня, что со времени первых разговоров прошло десять лет! Я тоже люблю ее, как и ты этого своего, но повернуть вспять ничего уже не смог. Она вышла замуж за человека, которому нужна именно она! Не сказать, что они очень обеспеченно живут, но они знают рецепт семейного счастья и маленьких радостей, которые мне казались слишком маленькими, пока я жил вместе с ней. И которых мне теперь так не хватает, когда я потерял её. Я сначала думал, с ума сойду! Запил! Да... Но у меня есть друг, священник, он-то и вытащил из этого состояния молитвой да беседой. Объяснил мне, что люди для людей. Вот, с тех пор я в такси работаю. Стараюсь людям пользу приносить. А до такси я в крупной фирме промышлял компьютерным дизайном.

- Угу, - кивнула Олесья, - теперь понятно происхождение визиток.

- Что? - не понял Николай и тут же согласился, - ааа... Да... Мой дизайн, остатки былой роскоши. А по профессии я вообще - филолог.

- Коллега, значит, - улыбнулась Олесья, - а, что заканчивал?

- МГУ.

- Да, что ты? - обрадовалась Олесья, как родному, новому статусу Николая, - а какой год выпуска?

- 1993-й...

- А я 2000-й!

Они помолчали. И, вдруг, Николай произнес:

- Ты, наверное, знаешь мою жену... Кравцова Оля...

-Конечно! Ой, мамочки! Вот же мир тесен! Она в нашей параллели же училась! А как ты с ней познакомился?

-На вечере встречи с выпускниками. Она туда к папе своему пришла, он у неё профессор на кафедре.

-Ааа, точно! - теперь не было никаких проблем называть его на ты. Он был неотъемлемой частью того, что являлось и частью самой Олеси. Ему было близко и понятно то, что понятно и ей самой. Она бы ещё больше обрадовалась этому факту, но коньяк на практически пустой желудок, да еще и в таком количестве, сыграл плохую шутку. И Олеся, бормоча извинения, вывалилась из машины, чтобы укрыться за ближайшим деревом.

Шарф был безнадежно испорчен, и Олеся предпочла его выбросить. Слишком много с ним уже связано дурных воспоминаний, слишком много она выкидывала последнее время, не догадываясь, что это маленькие жертвы взамен большой. Но, чудище столь ненасытно, что требует новых и новых жертв.

Олеся смутно помнила свое возвращение домой по старинной чугунной лестнице и, отметила только, что

она, пылко поцеловав Николая, все же вытолкала его за дверь.

Весь следующий день ее мучило похмелье. На счастье в холодильнике обнаружился кефир и мандарины. Именно ими Олеся и начала спасение своего несчастного желудка. Промаявшись пол дня в халате и с прической «я у мамы вместо швабры», Олеся вдруг поняла, что на часах уже четыре часа дня, а она впервые за все это время вспомнила о Владе, который обычно колом стоит в голове круглосуточно, т.к. даже во сне она умудрялась любить его или решать еще нерешенные проблемы. Проблемы его, и свои, и общие. Ничто не казалось неважным. Все имело наполненность и смысл. Вся жизнь имела смысл, пока есть ОН. Ей стало безумно смешно, что такая банальная вещь, как похмелье, выбило на время ее с накатанных рельсов по которым она едет вот уже год. Потом она поняла, что ни разу не включила выключенный со злости мобильный телефон. С ехидным удовольствием отметив, что пришло порядка двадцати смс и десять пропущенных вызовов, девять из которых принадлежали Владу. Впервые ей не хотелось перезвонить и поинтересоваться, что случилось или извиниться за то, что не взя-

ла трубку. Какая-то новая горькая, но гордая Олеся с удовольствием смотрела на себя, изучая изнутри, анализируя. Ей безумно хотелось внимания к себе... Поняв, что от Влада она добьётся лишь «невывразимого сочувствия и желания приехать», Олеся нашла прямоугольник с телефоном Николая и уставилась на номер, словно гипнотизируя его. В этот момент раздался звонок в дверь. На пороге стоял Николай. В его руках лежал ее пушистый шарф, длинный а-ля Айседора Дункан, выкинутый накануне. Шарф был выстиран и даже высушен. Николай улыбнулся, выводя из ступора онемевшую Олесю.

-Ты чего хорошими вещами раскидываешься? Ну прям барыня! - Николай первоклассно играл парнишку из масс, - я тебе его, хозяйка, в порядок привел... Но ежели он тебе не нужен, так ты отдай кому с барско-

го-то плеча, бедных людей, замерзающих, знаешь сколько по свету ходит?

Олеся стояла, облокотившись на притолоку двери, улыбалась и плакала. Николай бесцеремонно вдвинул её в квартиру и заявил:

-Да, хозяйка, тебе без сантехника никак, все лить и лить! Да ты не бойсь... - прошептал он, целуя её в губы, - я на все руки мастер!

-Со мной будет трудно! У меня сложная поломка, - слегка отстранилась Олеся.

-Ничего, мы трудностей не боимся, привычные мы...

Он обнял её ещё крепче, повесив ей на шею вкусно пахнущий «Ленором» шарф, и Олеся, уплывая туда, куда звал её Николай, впервые подумала, что ей, оказывается, не так много надо для счастья.

ВАН

О, женщины!

Опубликовано на stihi.ru 15.10.2011 в 14:43

О, женщины! Я узнаю вас, право!
Всегда, везде - красивы и милы!
И любите вы рассуждать так здраво,
Вы по-домашнему заботливы, добры!
Сдаюсь! Сдаюсь! Я ваш навеки пленник!
Уже не спорю! Я согласен с вами!
Склоняю голову под ваших рук ошейник,
Как наказать меня - решайте сами...

ВАН © 26.08.2009

Я хотел бы подарить тебе Радость!

Опубликовано на stihi.ru 25.02.2012 в 17:14

Я хотел бы подарить тебе Радость!
Только ты же не примешь подарок...
Если так только - пустяшную малость,
Без тебя мир не жалок, не жарок...
Я хотел бы подарить тебе Радость!!!

...

ВАН © 27.11.2009

Красное постельное белье

Опубликовано на stihi.ru 28.01.2012 в 22:32

Красная простынь, зеркало, тело,
Руку в подушку уткнула несмело,
Нежный изгиб, волны волос,
Ты для кого? возникает вопрос...
Взять бы, поднять бы, и унести...
И поцелуем сказать «Не грусти»...
Где тот мужчина, что должен быть рядом?
Где он? кого бы ласкала ты взглядом?
Ты одинока на простыне красной.
Можешь быть нежной... Можешь быть страстной...
С тем, кого выберешь сердцем, душой,
Глухо прошепчешь: «Твоя я, ты - мой...»

ВАН © 02.11.2009

Не грусти

Опубликовано на stihi.ru 19.02.2012 в 10:19

Не грусти, не надо,
Все пройдет, поверь.
Будешь Солнцу рада,
Войдет Счастье в дверь.
Все уйдут проблемы,
Все пройдет, пройдет,
Снова ярко, смело
Жизнь твоя пойдет!
—
Не грусти, не надо...

ВАН © 24.11.2009

Не суждено...

Опубликовано на stihi.ru 15.07.2012 в 14:02

Когда поймешь на склоне лет
Что жизнь ты прожил просто так,
И ты не можешь дать ответ,
Зачем не сделал главный шаг,
Когда почувствуешь Душой,
Что Счастья не было и нет -
Безрадостно живешь с женой
Уже так много, много лет,
Когда Сердечко заболит
От безысходной суеты,
И для него теперь горит
Одна свеча, и это ты...
Когда узнаешь невзначай,
Что ничего не изменить.
И только кофе, только чай
Ты вместе с ней можешь испить...
Когда... да что тут говорить!
Как жил ты раньше, так живи!
Ну, некому тебя любить!
Ты недостойн той Любви!

Пускай Душа гниет Мечтой,
Пусть Сердце нервно дробью бьет,
Не суждено мне быть с тобой...
Хотя зовет Душа, зовет...
Прощай, Мечта, Душа, прощай...
Живи счастливою Судьбой...
О, Господи! Удачу дай
Тому, кто рядышком с тобой!!!

ВАН © 01.02.2010

Сергей Рэф

Предчувствие

Увидеть бы руки, что нежно ласкали,
Услышать бы сердце твоё.
Года и разлуки меня обокрали,
Кружится, кружит вороньё.

И тот колокольчик, что с Богом повенчан,
Уже не поёт, а хрипит,
Я рад бы забыться, да поздно и нечем,
Да слышится топот копыт.

Ах, не обольщайся, мне чудится снова:
Я плачу, я снова влюблён,
Твой белый платок и мой конь у порога,
Да шпаги волнующий звон.

Снежинкой малой...

Снежинкой малой на рукав
С порывом ветра опускаюсь,
Касаясь складки на губах,
Я с неизвестностью прощаюсь.

Что это было? Бред иль сон?
Кто был охотник? Кто добычей?
В стране по имени Любовь
Нет ни заслуг и нет отличий.

Почтовый ящик пуст

Почтовый ящик пуст,
Звонить мне перестали,
И в церкви не звонят
Уже колокола,
А этот жуткий хруст
Стекла от твёрдой стали
Терзает плоть мою,
Впивается в меня.

И как родиться вновь
Из пыли и из тлена,
Оставив боль свою
На прежних рубежах,
Я рыцарь или смерд?
Но преклонив колено,
Я жду свою судьбу
С улыбкой на устах.

Чёрный бархат

Я устал в бесконечных дорогах,
От дождя и от ветра устал,
И неверной дрожащей рукою
Не вином, полною яда бокал

Я устал от людского злословья,
Похвальбы, равнодушия, лжи,
И алеют, как капельки крови,
На окне неживые цветы.

Темнота, неизвестность за гранью,
Где живём? То ли здесь, то ли там.
За какую вину наказаньем
Эта жизнь предначертана нам?

Вянут листья на плитах могильных,
Зеленеет от времени медь,
Тело женщины страстно любимой
Зябкой ночью не может согреть.

Чёрный бархат постели тревожит,
Зеркала укрывая в парчу,
Еле слышно воскликну: «О Боже!
Я мечтал, я желал, я прощу».

Искры

Мы словно искры от костра,
Но смысла нет в полёте этом страстном,
Всю жизнь стремиться к призрачному счастью,
Чтобы в конце узреть в себе слепца.

И глядя на ковёр ручной работы,
С рисунком непонятным и Творцу,
Захочется не страсти, а заботы
И ласки материнской поутру.

Галоши

А ты знаешь, я вчера купил галоши,
Но не знаю, для чего они нужны,
Просто показался день хорошим,
Денег нет, ведь я хотел цветы

День такой не мрачный, не зеленый,
Голубой и радостный пока,
Я грущу, я, может быть, влюблённый,
Не в тебя, а в ожиданье праздника.

Может быть, галоши пригодятся,
Может даже праздник наступить,
Ожиданье может и остаться,
Но вот счастье. Как его добыть?

Игорь Коломейчук

Мусор

Он, осмелев, объявил нам войну,
И на фронтах, неустроенных вечно,
Вторгся и душит большую страну,
Живущую праздно, легко и безопасно.

От мусора стонут дороги, леса,
Реки, озера, моря, океаны,
Деревни, поселки, поля, небеса, -
Повсюду зловонные, мерзкие раны.

Из космоса падает прямо на плечи,
На улицах трется у нас под ногами,
И это еще, извините, не вечер.
Ведь мы не сражались с такими врагами.

Лавиною мутною льется с экрана,
Ожив на костях подзабытого мата,
И в юные души стреляет упрямо,
Похлеще, чем очередь из автомата.

Прижился в поступках, желаньях, словах,
В искусстве вещания модных каналов,
И липкою грязью смердит в головах
У власти имущих и их генералов.

И чтобы не сгинуть в таком «бардаке»,
Не нужно быть сильным, успешным, богатым.
Лишь стоит прибрать на своем «чердаке»,
Не дожидаясь ударов набата.

Птичий базар

На улицах тревожно от ворон сварливых,
Где каждый третий – вор, мошенник, лгун.
На птицефабриках штампуют звезд крикливых,
А правит балом птица-говорун.

В фаворе бездари с куриными мозгами,
Медийные павлины, индюки и утки,
Модели-страусы с длиннющими ногами,
Кукушки беззаботные, дельцы и проститутки.

Жар-птицы тощие с губами пеликанов,
Грудастые грачи, сороки, чайки
Под скальпелем хирургов-шарлатанов
Безродных клонов формируют шайки.

В коттеджах ястребы и глухари в законе,
А за прилавками фазаны-иммигранты,
Плакаты, митинги, зеваки на балконе,
И воробьи танцуют под куранты.

Птичий базар пищит от беззакония,
Мешая в кучу личности и стаи,
В душах пожар, а в головах – агония,
И даже птицы от него устали.

2012

Странный юбилей

Жаль, зеркало не лжет при отражении
Тому, кто ищет прошлое, вздыхая перед ним.
Вновь никогда бывшее наслаждение
Не испытать ни мне, ни вам, ни им.

Обидно постареть с душой не повзрослевшей,
Полной страстей, томящихся в беспечном теле,
По меркам окружающих изрядно подрыхлевшем,
Но сохранившем пылкость юноши на деле.

Ведь хочется шутить и, очумев, влюбляться,
И, ветром обернувшись, ножки стройные спугнуть,
Нахально женщину сквозь платье разглядеть под
двадцать,
Да так, чтобы, смутившись, не могла уснуть.

Футбольный мячик укротив, как прежде,
С друзьями захмелевшими умело погонять
Перед девчонкой в форменной одежде,
Которую когда-то смог поцеловать.

Ребят ушедших затащить на пьяное застолье,
Пока желаний и возможностей источник не затих,
И выпить с жадностью за бывшее здоровье,
Проговорив всю ночь о службе и о них...

Часы, что спринтеры, несутся беззаботно,
А годы, Богом данные, как чувства, коротки,
Пытаюсь дозвониться до родителей и брата,
А слышу только длинные далекие гудки.

Все меньше дел средь копоты и дыма.
Смуглянка сероглазая, «на посошок» налей
За тех, кто здоров и кто незримо
Встречает вместе этот странный юбилей!

Мне 65

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Мы не задумываемся над тем, сколько раз произносим это слово. В скоромговорке обращений оно невероятно упростилось и обесценилось. Мы даже не замечаем, как из него убегают буквы, и оно сжимается, уступая свое место более «нужным» и «важным» словам.

Жизнь не оставляет нам лишнего времени. Она торопит. Летят минуты, бегут дни. Мы строим планы и выполняем их. Живя сегодня, мы смотрим в завтрашний день, завтрашний год и не замечаем, как бегут годы, незаметно тускнеют глаза и белеют волосы на голове самого близкого и дорогого нам человека.

Людям свойственно забывать, и часто мы забываем даже того, чье сердце сделало для нас самые первые толчки, кормило и билось в нашем крохотном и беспомощном тельце в первые мгновения жизни – нашей жизни.

Мы считаем делом чести отдавать долги, но кто сможет оценить тот долг, который мы обязаны вернуть ей, возместить хотя бы частицу затраченного. Кто сможет подсчитать бессонные ночи, отданные нашим болезням и капризам? Кто помнит о желаниях и надеждах, так и не ставших явью? Куда можно слить слезы, пролитые из-за наших первых и последних неудач? Да и кто видел хотя бы половину этих слез?

Мы не понимаем, откуда на ее лице появляются морщины, считая их данью времени, и никогда нам не поверить, что добрая половина этих морщин – наша.

1980. Моя мама

Взрослея, мы уходим от нее. Нас захватывают свои заботы, и в круговороте этих новых забот нам не найти даже пяти минут, чтобы написать ей. Ей, которая отдала нам годы своей жизни, считая их лучшими. Ей, что своими руками вырастила нас, и которой в конце пути, как никогда, нужны наши лица, наши слова и наши руки. А, может быть, именно этих пяти минут не хватит нам, чтобы успеть, когда она в последний раз позовет нас...

Мы придем, мы обязательно придем. Ведь она будет ждать, ждать и надеяться даже тогда, когда ее уже не станет. И когда наши последние поцелуи уже не смогут согреть ее, а кто-то другой закроет ей глаза, мы пойдем. Мы все пойдем и осудим себя.

Да, мы скупы на чувства, мы стыдимся выставлять их напоказ, но мы любим, мы бесконечно любим тебя. Ни одна другая любовь не сравнится с этой любовью. Ни одна другая любовь не забрет всей крови, данной тобой с первыми каплями молока. Мы преклоняемся перед твоей простотой и величием, целуем твои родные руки, и мы не достойны тебя, МАМА.

Наталия Удалова

О себе: окончила ЛГУ (переводчик с английского языка).

А дождь идёт

А дождь идёт, а дождь идёт,
Как наваждение,
Играет гейша в кимоно
На сямисэне.

А в это время чёт-нечёт
Играют в кости,
Из чашек маленьких саке
Пьют гости.

А я сию одну из них,
И равнодушная.
Луна меняет жёлтый лик
В воде послушной.

А дождь идёт, а дождь идёт,
Саке и грёзы.
Сегодня инь, а завтра ян,
Метаморфозы.

Ты знаешь, что мне нравится в тебе?

Ты знаешь, что мне нравится в тебе?
Свободный дух, неповторимость красок
Картин твоих, когда на полотне -
Рыбачья лодка, волны, чайки.

Дорога с устремленьем в небеса,
Поля, стог сена, мельница на склоне -
Другая жизнь, другие берега,
И тёплый взгляд, и нежный шепот.

Мне нравится, когда на полотне
Далёкие шаги звучат прохожих,
Прозрачный воздух, дымка вдалеке
И странный мир на здешний непохожий.

Не жду

Я не жду, когда ты меня спросишь:
“Добрый вечер! Как дела?”
В телефоне моем прочерк,
В том месте, где запись была.

На дворе безутешная осень
Вступила в свои права,
Только тихо стучится ветер
За окном моим: “Как дела?”

Разметалась в капризе осеннем
Сухая листва, ну а я
Напишу эти несколько строчек:
“Добрый вечер! Как дела?”

Я слышу шум дождя

Я слышу шум дождя
В почти немой ночи,
Далёкий стон глухой
И чёткий ритм души.

Не слышно пение птиц,
Ещё далёк рассвет,
Дождь за окном стучит
Простое “да” и “нет”.

В синих красках апреля

Я не буду говорить, как ты мне нравишься,
Просто так с поднебесья падает дождь,
Он звучит иногда очень весело,
Может быть, может быть, ты меня поймёшь.

Я не буду говорить, как это здорово,
Оттого, что внезапно шальная весна
Окончательно всё перепутала,
И звенит капель для тебя, для меня.

От летящих потоков тёплого ветра
В синих красках апреля смутилась душа.
Для тебя, для меня совсем неожиданно
Приходит весна не зря, не зря.

Мне нравится лёгкость

Мне нравится лёгкость
Прозрачного неба
И яркие блики солёных теней.

Мне нравится ветер,
Играющий с морем,
И тёплого лета волнующий день.

Мне нравится солнце,
Высокое небо,
Простое касание тёплых лучей,

Блеск радостных глаз
В их стремительном взоре
И пёстрых букетов разбросанных лень.

Полина Какичева

По Гомеру

*„Кого Юпитер хочет наказать,
того он делает поэтом”
Генрих Гейне*

Музы и фавны, меня воспойте!
Дочь Александро и дочь Людмилы.
С Аполлинаруией рядом стойте!
В горькие ночи дайте ей силы.

Я Аполлона печальным даром
В годы лишений и долгих странствий
Преображалась. Земля не шаром,
Таргаром слыла... Землёй Аида.

Гелиос-солнце, вставай скорее!
Оры не спят у своих ворот.
Осса и Мойры чудная сила
Дарят богам амброзический год.

Я не Калипсо и не Цирцея.
Может быть, Геба, а может, Эос.
Я и у Феба, его, Дальновержца,
Проклята вдвое... Проткнута в сердце.

Музы и фавны, меня воспойте!
Дочь Александро и дочь Людмилы.
Нимфы печальные, стойте, стойте!
Аполлинарии дайте силы!

Мне бы из Леты один глоточек!
Но Мнемосины источник здесь.
Кровь вытекает из чёрных строчек:
Старым теням вспоминать и есть.

Я не Пигмей. Война - не с птицей.
В жилах „ихор” не моих течёт.
Знак победителям - справа - птица
Знак побеждённым - наоборот.

Двадцать два года - в слугах Ареса.
Двадцать два года иду домой.
Путь указующий - жезл Гермеса,
Так же, как Фатум, всегда со мной.

...Музы и фавны, меня воспойте!
Дочь Александро и дочь Людмилы.
С Аполлинарией рядом стойте,
В горькие годы дайте ей силы!

* * *

Ночь Владимира Маяковского

Черное и бездонное
Закрыло,
Белые дырки проткнули.
Все знали,
Белый круг прикололи:
пришло.
прикрыло,
осталось.
все думали: „Правильно”.
Стало светло.

* * *

Последние мифы

Ты измерь у реки дно.
А ведь дна у реки нет.
И за мной не прийти тьме:
Полюбил меня свет.

Старые мотивы. Древние мифы.
Реки вековой плетью.
Не сберёт меня мир.
Заставляет меня петь.

А над холмами восходит солнце.
Что-то светит в конце пути.
И дорог запылённые кольца
Подарил, говорят, ты.

Не горят, не горят звёзды.
Да и звёзд в облаках нет.
Но за мной не прийти беде.
Я у солнца беру свет.

Старые замки новых людей.
И высохло почти русло.
Одинокий голос звучит во тьме
И ему, говорят, грустно.

Дождь оmyвает ноги.
Радугой встаёт день.
Посжигали зимой мифы,
И за летом пришла тень.

* * *

Я жду зимы...

Я жду зимы
Хрустальной речи.
Последней встречи
Ожидаем мы.

Вы влюблены
В весну и солнце -
Я влюблена
В снега и лёд.

И тихим шорохом ложится
Отрезок между двух миров.
Мне в счастье верится. И снится,
Что существует всё же сплав...

Так сердце хочет.

* * *

--- /...[Трансформации (Индукция Векторов)]...[...]/...
 [П катоннант(деформы)равданы (x)k)] + $\Delta T \cdot \Delta \tau$
 (dx)j(x)Ej) + ΔT ;)дэувадв(В_Транслатион в Тал
 ЯМдэувадв(росты) (критические моменты(Ветвления...)
 \Rightarrow сывалмерид(П_кВдТ(дн)и(дВ_Ф)Обработка_транс-ФОРМА(dxj(x)/dt
 j(x)j(x) + dt) -- -- --
 \Rightarrow \Delta_дэувадв в Т \Rightarrow ЯМдэувадв...
 \Delta \Rightarrow Оболочка_трансФОРМА(dxj(x)/dt)j(x)dEj + dt) ...
 Коллапс(Замыкание_Коансамляные
 Поля)[об'янно_фазовые^#*]РЕЗОНАНСЫ_Музыка
 Сфер
 "При Вложении $\Delta T, dT$ может $\Rightarrow \delta$ (склейки и "вставки"
)ВОЗМУЩЕНИЯ"
 (ПЕРЕХОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ(словые поля(Топология
 Улов&Слиния)))...
 Вкладыш \Rightarrow
 $XX+I=0$
 $X=I$
 $\Rightarrow \{1\}: (X-I)(X-I)=0, X=(x=i), (i)(i)+1=0$
 0 (одна из скалярных) $XX-XX-IX+I=0$
 $XX+I+I+I=0$ - в области Нуля (0) (Иван Грозный
 Клирик $I=0$
 {2}: $I+I+I=0$
 {1} $\Rightarrow \{i\} - \{i\} - \{i\} - \{i\} = \{1,1,1\}$ (единицы Лоренца T^2) ... \Rightarrow
 ДЕЛИТЕЛИ (1) \Rightarrow (2) (продолжение от 3)
 И \Rightarrow ... в при_дэувадв(0) *#* (Топология)

Валерия Пушкарёва

Валерия Пушкарёва живёт в Московской области. Многие годы отдала системе образования. Круг её интересов не ограничен семьёй, работой, прозой, стихами, дизайном...

В разделе «Ах, вернисаж...» её страницы на портале «Стихи.ру» <http://www.stihi.ru/avtor/pushkareva2> представлено около 20 миниатюр, посвящённых истории известных картин или скульптур, при этом, необычная подача материала всегда вызывает живой интерес читателей.

Кровавый след чёрного быка

Звук трубы возвестил о начале третьей терции. Раненый бык всё ещё держался, но был измотан и не проявлял такой прыти, как в начале представления. Если бы зрители захотели, ему можно было бы сохранить жизнь. Но люди жаждали крови, и матадор показал своё мастерство: бык упал уже после второго удара шпагой. Животное ещё билось в предсмертной агонии, когда ему отрезали уши и хвост – эти трофеи полагались победителю. Зрители размахивали белыми платками, восторженно скандировали и бросали цветы. А безжизненную тушу волокли с арены, оставляя кровавый след.

Кровь... Свежая и чуть подсохшая, влекущая разными оттенками и особым запахом. В этот момент художник явственно ощутил на себе её магическое действие. И отчётливо представил будущую картину. Идея появилась после убийства Александра II, потом был мощный импульс от симфонии Римского-Корсакова. Но только сейчас возникли зримые образы: царские покои, охваченный ужасом убийца-отец зажимает рану на виске сына, а кровь так и хлещет между пальцами, и повсюду кровь, и ковёр – красный, и царь весь в крови. В его безумных глазах – отчаяние, а сын бессильно угасает. Трудно объяснить, почему именно испанская коррида вдохновила Илью Ефимовича Репина на этот сюжет, но всё было именно так.

«Несчастья, живая смерть, убийства и кровь составляют влекущую к себе силу... И я, заразившись, вероятно, этой кровавостью, по приезде домой, сейчас же принялся за кровавую сцену», – написал он в дневнике. Алая кровь, текущая из раны царевича, лужа крови на красном ковре, даже тени в складках одежды царевича – красноватые, будто с отблесками крови. Какая-то магическая сила то притягивала художника к этой работе, то отталкивала. «Мне становилось страшно, – вспоминал он потом. – Я отворачивался от этой картины, прятал её. Но что-то гнало меня к ней».

В 1885 году картина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» была выставлена на суд зрителей и сразу подверглась царской цензуре. Ошеломлённая публика толпилась у картины, дамы падали в обморок, а представители власти предъявили Репину серьёзное обвинение: «клевету на царскую персону». Истинная причина смерти царевича (отравление ртутью)

была установлена лишь в 1963 году при исследовании его останков, но уже тогда, в конце XIX века, было документально доказано, что Иван Грозный не убивал сына! Этот слух распустил монах-иезуит Антоний Поссевин после неудачной попытки подчинить Русскую Церковь папскому престолу, а доверчивый Карамзин стал строить догадки о причинах столь жестокой расправы – от бытовой ссоры до политических мотивов. Репин не мог не знать этого, но, видимо, его интересовала не историческая достоверность, а психологическая сторона события. Скандал чуть было не закончился уничтожением картины. И, если бы Третьяков не купил «Ивана Грозного», возможно, мы никогда не увидели бы этого шедевра. Сначала показ картины был запрещён, потом страсти улеглись, и она заняла своё место в галерее.

А в 1913 году с ней произошло несчастье. С криком: «Довольно крови!» душевнобольной иконописец Абрам Балашов нанёс семь сильных ножевых ударов, которые пришлось на лица и руки Ивана Грозного и царевича. Тысячи сочувственных писем и телеграмм получал в те дни Репин. Хранитель галереи Е.М. Хруслев в отчаянии покончил жизнь самоубийством, а председатель Совета галереи И.С. Остроухов оставил свой пост. Репин срочно прибыл в Москву и пытался заново написать голову царя. Однако новый вариант настолько уступал предыдущему, что реставраторы рискнули убрать эти исправления и привели изображение в первоначальный вид.

Картину постоянно сопровождали скандалы, запреты и человеческие трагедии. Приписывая ей мистические свойства, многие полагали, что она повлияла и на судьбу самого художника. Так, например, у Репина внезапно перестала действовать правая рука, что посчитали возмездием за отражение несуществующего исторического события.

К счастью, он быстро научился писать левой рукой и продолжал работать. Психологи утверждают, что красный цвет вообще и вид крови в частности пробуждают в людях прилив энергии, жажду деятельности, сексуальную и творческую активность, иногда – агрессию и животные инстинкты. Конечно, это относится только к людям импульсивным, страстным, склонным к спонтанным поступкам. Репин был именно таким, а работа над картиной обострила эмоции и сделала художника совершенно невыносимым для окружающих.

Он и раньше мог на глазах трёх дочерей и сына устроить семейную сцену с метанием тарелок, а на заседании Академии художеств – швырнуть чернильницу в Архипа Куинджи. По словам Корнея Чуковского, Репина «так же легко было привести в восторг, как и наполнить гневом». Но с окончанием картины совпали поступки, которых даже от него трудно было ожидать: выход из Товарищества художественных передвижных выставок, дикое сцене беспричинной ревности и развод с первой женой, ссоры с друзьями и любовные похождения. Однажды на улице Репин догнал и избил кучера, забрызгавшего одежду даме. В другой раз – несколько часов ходил за понравившейся женщиной, пока не заблудился в незнакомом городе. Лев Толстой, ставший свидетелем безумных ночных плясок Репина со второй женой, назвал Илью Ефимовича «рехнувшимся человеком». А чего стоила его бурная реакция на реформу русской орфографии! Замена «ять» на «е» позволяла читать его фамилию как «Рёпин», что буквально его бесило. Проживая в Финляндии, он возвращал, не читая, письма, адресованные «Рёпину», а с большевиками не хотел иметь ничего общего, хотя реформа была подготовлена ещё до революции.

После написания картины выявилась странная закономерность: люди, которые позировали Репину, вскоре умирали. Литератор Всеволод Гаршин, с которого был написан царевич Иван, трагически погиб, бросившись в пролёт лестницы. На следующий день после окончания работы над портретами умерли хирург Пирогов и композитор Мусоргский. Ещё восемь моделей художника, в том числе Писемский и Тютчев, ушли из жизни в течение очень короткого времени. Репину стали бояться позировать. Как-то знакомый пошутил:

«Вам бы Столыпина написать – замучил своими реформами!» Вскоре Саратовская городская дума заказала Репину портрет Столыпина. Как только работа была закончена, Столыпин поехал в Киев, где его и застрелили.

До сих пор ходят слухи о мистической силе картины Репина и её «чёрном ответе». Слишком много крови она впитала, слишком много несчастий принесла. Размышления о судьбе этого шедевра и его воздействии на судьбы людей по-прежнему занимают не только исследователей, но и всех ценителей искусства. Пример тому – строки Александра Городницкого:

Я слышал однажды: как нерв напряжён,
Безлюдной вечерней порою,
Безумец ударил картину ножом
И крикнул: «Достаточно крови!»
И там, где отметина эта видна,
Где лезвие холст разрезало,
Всё капает, капает кровь с полотна
На плитус музейного зала!

Папа Раццы

Папа Раццы – редкий гость на «Стихи.ру», с 2009 года только шесть публикаций появились на его страничке <http://www.stihi.ru/avtor/paparazzi>. Сегодня перед Вами – его пародия на эссе «Кровавый след чёрного быка».

Секир - башка

Италия. Четыре века назад. Ночь. Раздражённые мужские голоса. Затем звон холодного оружия. Кровавый труп, который волкли по каменной мостовой Рима. «Главный герой» – молодой одарённый художник Микельанджело да Караваджо, известный не только картинами, но и скверным характером, благодаря чему его фамилия часто фигурирует в полицейской хронике, и дорога в суд ему более, чем знакома... До смерти оставались четыре года, прошедшие в работе, побегах и пьяных драках с кровью, свежей и подсохшей.

Кровавая картина, что перед вами, написана лет за шесть до этой истории.

Известен библейский сюжет о том, как Юдифь, жительница маленького иудейского городка, смогла в одиночку, если не считать служанку, спасти свой город от разграбления ассирийским войском. Красавица-вдова свела с ума Олоферна – вражеского предводителя. Потеряв голову в переносном смысле, враг лишился её и в прямом, поскольку решительная дамочка бестрепетной рукой с помощью дамасской стали отделила её от глупого тела,

как кочан капусты с огородной грядки. Когда осаждающие увидели на крепостной стене голову своего предводителя, желание воевать у них совсем пропало...

Редкий художник мог пройти мимо такой темы, но большинство живописцев изображали на полотне процесс «после того», то есть девушку с мужской головой в руке или корзине. Кто-то, считая, что женщина и убийство – не могут, не должны быть связаны, рисовали историю «до того», то есть мужчина (пока с головой) и женщина с мечом или кинжалом в руке. Однако в нашем случае художник решил не отступать от позиций соцреализма и изобразил действие в процессе, даже в деталях не отступая от жизненной правды...

На лице защитницы отечества нет ни ужаса, ни восторга от того, что она делает. Это не страшная месть за поруганную честь; не восторг и порыв к победе, как у Жанны Д'Арк; не наслаждение вурдалачки, что сейчас напьётся тёплой крови. Нет, это лицо отличницы, что отвечает на сложный вопрос у доски. На чистом лбу её легко читается: «Так, теперь я должна посильнее нажать и потянуть вправо, чтобы легче отрезать. Да, и руку подальше надо бы держать, иначе фартук забрызгаю, как потом на переменке буду гулять по школе?» Не беспокойтесь, пятёрочница всё сделала правильно: и голову отрезала, и город спасла, и героиней стала, и до ста пяти лет дожила.

Выявилась странная закономерность, художнику не хватает этого триумфа, он не может остановиться, снова и снова берётся за «расчлененку». У Караваджо обезглавливание в картинах «Жертвоприношение Исаака» (1603), «Обезглавливание Иоанна Крестителя» (1608) и «Давид и Голиаф» (1610). Неизвестно, сколько ещё кровавых шедевров мы бы увидели на его холстах, когда бы он тридцати шести лет не умер от малярии 18 июля 1610 года.

До сих пор ходят слухи, что лицо Олоферна – это его автопортрет... Размышления об этом шедевре занимали мысли многих деятелей искусств. Пример тому – строки, приписываемые мною великому русскому поэту, не менее великому бабнику и любителю хлётких эпиграмм, который, узнав особенности творчества этого художника, не смог удержаться от таких четырёх строчек:

Всё мужики кровавые в глазах,
Одни – поболее, а другие – мене,
Лежат, без капли жизни в головах.
А все причины, как всегда, – в измене...

Николай Шурик

«Юдифь XXI века»

Всё началось с автора «Стихи.ру», с её эссе по Репину «Кровавый след чёрного быка». Папа Раццы, тоже автор «Стихи.ру», пишет «Секир-башка» – пародию на это эссе, призвав на помощь Караваджо. Разогретый этими двумя вещами, я не удержался и «нарисовал» пародию уже на Папу Раццы. При этом, если стихиряне вместо слезливых стихов пишут кровавую прозу, почему бы и мне не «поменять ориентацию» и не написать кровавые стихи вместо пресной прозы?

История про Юдифь и Олоферна довольно длинная, и не очень понятная, да ещё на иностранном языке. Предлагаю адаптированный её перевод для современной молодёжи.

Явился новенький начальник
И начал всю братву трести.
Не кончилось чтоб всё печально,
Решила я ребят спасти.
Прикид набросила от Гуччи
И с феромонами духи...
Чтоб охмурить его покруче,
Пришлось читать ему стихи.
Да, соврала, что написала
Сама – Цветаевские строчки.
Коньяк и танцы, разве мало?
Так провела я с ним полночи.
Вопрос решила, как хотела,
Не подвела меня рука.
Без головы – затихло тело,
Но жалко мужика слегка...

Иллюстрация, понятно, тоже «XXI век» – В. Потапов, 2006

В обсуждении с рецензентами вспомнил, что был отечественный римейк на эту же тему:

«И пахло солёным воздухом, и услышал я, как передёрнут затвор винтовки. Теперь рыженькая 19-летняя девчонка прижимает приклад к плечу и ловит в мушку голову молодого поручика, что бежит навстречу боту с белогвардейцами. Она уже не помнит, как его выхаживала, как им было хорошо последние три месяца на этом острове, как она читала ему свои неумелые стихи... Ничего нет, только убегающий ВРАГ и приклад винтовки, на котором 40 зарубок. Раздаётся выстрел...»

«Поручик упал головой в воду. В маслянистом стекле воды расхлестались красные струйки из раздробленного черепа. Марюшка шагнула вперёд, нагнулась. С воплем рванула гимнастёрку на груди, выронив винтовку. В воде на розовой нити нерва колыхался выбитый из орбиты глаз. Синий, как море, шарик смотрел на неё недоуменно-жалостно. Она попыталась приподнять мёртвую, изуродованную голову, упала на труп, пачкая лицо в багровых сгустках, и завyla низким гнетущим воем: «Роденький мой! Что я наделала? Очнись, болезный мой! Синегла-азенький!»

Да, история повторяется... Борис Лавренев, «Сорок первый».
Вот такая «Юдифь XX века» случилась на заре Советской власти...

Мария Фэйт-Волхонская

Воробушек

Маленький мальчик стоит, вцепившись пальцами в край стола.
Маленький мальчик замуривает глаза, сясь не зажать уши руками.
Маленький мальчик прячет лицо за длинными светлыми волосами. Слишком длинным. «Как у девчонки» - так сказал отец.
Маленький мальчик пытается не смотреть.
Маленький мальчик рад бы не слышать.
Ругань родителей и криков матери. Хотя бы сегодня.
Маленький мальчик оставляет на столешнице отметины своих ногтей. Он хотел бы сбежать через них в мир волшебный, далекий, «безумных идей».
Маленький мальчик ненавидит людей. И добрых и злых. Последних – убить бы, да сил нет, а первым нет веры совсем, даже на медный грош.
Маленький мальчик и рад бы молиться, но это все глупости. А чудо?
- Чудес не бывает! Ты должен учиться! Выкинь из головы глупости!
Маленький мальчик хотел бы стать птицей. Пусть не красивой, он и человеком – уродец. Маленький мальчик не верит добрым словам. Маленький мальчик не поведется на ласку чьей-то руки. Он мудр, хитер, насторожен, как старый удав.
Маленький мальчик забыл, как его зовут. А если и вспомнит... нет! Лучше не вспоминать! Лучше не помнить это ужасное имя! Дурацкое и несчастливое!
Маленький мальчик плотнее замуривает глаза. До красных кругов, до боли в светловолосой головке.
Маленький мальчик мечтает сбежать из дома. В далекие страны с песчаными дюнами, ядовитыми скорпионами и племенами кочевников.
Маленький мальчик не слышит удара. Тела о грязные доски пола.
Маленький мальчик хотел бы не плакать. Хотел бы исчезнуть. Не быть. Не дышать. Вовсе не родиться.
Маленький мальчик не издает и звука. Из упрямства и чего-то еще, что мать называет «принципом». Пусть он мал... Пусть! Но он не заплачет! Нет-нет! Он не заплачет!
Маленький мальчик неровно дышит. Втягивает воздух носом громко и судорожно.

Маленький мальчик поднимает голову, не раскрывая глаз. У него морщинка залегла между светлых бровей. На кончике крючковатого носика блестит соленая капля, а губы в рамке глубокой складки, как у маленького старика.

Маленький мальчик считает до десяти. Тихо выдыхает, молится: «Матушка Божия...»

Маленький мальчик давит рыдания волей. Только заходятся судорогой плечи воробушка.

Маленький мальчик не дышит. Бойтся спугнуть пришедшую из ниоткуда силу и волю.

Маленький мальчик слишком уж мал. Слишком уж невнимателен и неловок.

Маленький мальчик не слышит тяжелых шагов отца. Пьяного смеха в двери его спальни.

Маленький мальчик не повернется навстречу ему.

Маленький мальчик не подбежит к родителю.

Маленький мальчик не скажет ему ничего.

Маленький мальчик слишком уж мал для этого.

Маленький мальчик не изменяет мир. Он слабый росточек на клумбе в его саду.

Маленький мальчик не слышит грозного окрика.

Маленький мальчик лишь перышко райской птицы.

Маленький мальчик верит во всякие небылицы, и он не заметит грозно летящий кулак.

Маленький мальчик тихо выдохнет: «Ох!». Услышит пугающий, близкий и громкий хруст.

Маленький мальчик уляжется на полу. Сломанной куклой. Грудой птичьих костей в мешочке.

Маленький мальчик не будет думать о мамочке. Ему будет обидно. И грустно. И мочи терпеть больше нет.

Маленький мальчик хотел бы хоть раз день прожить и не слышать их криков, их ругани.

Маленький мальчик уж слишком аист в душе. Хотел бы быть счастливым.

Хотя бы сегодня. Хотя бы в свой День рождения.

Ему исполнилось бы шесть лет.

Lonelyforest

Программа РСВС+, мой оптимизм на будущее и мое объединение

Современному искусству чуждо какое-либо секретничание, оно должно говорить само за себя громко и гласно во все рупоры для усиления звука, оно должно использовать не только стилистику языка для построения новых слов, но и такую науку, как психология, оно должно знать как минимум пять языков: русский, английский, финский, С+ и Pascal, если хочет реально сдвинуть пласт культуры с места. Глупо надеяться на то, что, перебирая слова только стилистическими приемами, чем и занимаются сейчас все «литераторы», можно каким-то образом противопоставить силу искусства той информации, которая сваливается на нас каждый день. Искусство должно влиять гораздо сильнее самой информации на человека, иначе искусству конец в будущем. Основным помощником в этом нелегком труде должна быть общедоступность изложенного материала: писатель должен знать, для чего он работает, а читатель понимать, как работает автор. Субъективное отношение к творчеству не может иметь под собой никакой основы, а потому нужно отбросить всякие бредни о том, что поэзия хранится где-то на глубине души и навсегда вбить пятидюймовым гвоздем в свою глупую голову, что поэзия - это всего-лишь текст, проклятый текст на бумаге, который может содержать не только стилистические методы, но и скрытые психологические приемы для более мощного воздействия. Поэзия, как и любая область искусства, подчиняется правилам, и в этом есть доля её оправдания. Представители нашего литературного объединения РСВС+ (реальная сила в современном искусстве)

представляют собой реальную силу, потому как в неё входит только один литературный деятель lonelyforest, нарушают эти правила по стилистическим законам и отчасти психологическим законам, следуя всего одному закону - закону искусства. Мы собираемся учить новому искусству по старым книжкам, не угрожая старому, потому что «классический канон» лежит над всеми нашими законами. Мы преклоняемся перед Пушкиным, но он не использовал наших методов, он работал стилистически, и мораль его могла работать только как знание, а не психологический прием. Мы обладаем реальной силой. Нам абсолютно не понятно игнорирование нашего творчества.

Почему на нас не тратят бумагу в газетах? Почему написанная детальная статья «О проблеме художественного образа в поэзии» не увидела божий свет?

Кто сказал, что Воденников учитель современной поэзии? Мы учимся у кого угодно, даже у Пушкина, только не у Воденникова. Ученик не намного ли отходит от своего учителя? Мы основатели реальной поэзии, которую не хотят печатать, мы работаем для будущего искусства, чтобы оно не вымерло от общей информации.

Железовский Илья (lonelyforest)

Труды нашего современного творчества:

Алгоритм

Я писал Вам сообщенье
В тайне сердца моего.
Вдруг щелчок, еще мгновенье,
И не видно ничего.
Станным светом чрез минуту
Засветился монитор,
Испугавшись не на шутку,
Я и спрятался под стол.
Алгоритм всех моих действий
Как бессмертье предрешен.
Можно было просто сразу
Взять и спрятаться под стол.

lonelyforest